Год исторической памяти в зените, цветет 77-й победный май... А на сердце неспокойно, потому что фашизм вновь пытается всем своим звериным ликом устрашать людей доброй воли, нас, славян. Я вновь возвращаюсь к образу своего отца, людей его поколения, вынесших всю трагедию Великой Отечественной войны. К судьбам других героев-фронтовиков, партизан, тружеников тыла, нашему непобедимому Бессмертному полку, отстоявшему честь и независимость Родины.

На моей малой родине, в райцентре Мядель на Минщине, и в этот май еще цветут яблоневые деревья сада, посаженного в 50-е прошлого века отцом в память о погибших далеко от родной Беларуси боевых друзьях...

Ныне же в странах Европы, которые наши отцы освобождали от фашизма, сносят памятники советским солдатам, вводят санкции, так воюют со всем славянским миром. Слаба ты, Европа! Пляшешь на поводке дядюшки Сэма. Но не вырвать Память из наших сердец! Она — самое мощное оружие. Мы, послевоенное поколение, поднимавшееся вместе с единой страной, не позволим растоптать отцовскую Великую Победу.

Тамара Крюченко (Купревич),
ветеран журналистики, член творческих
Союзов писателей Беларуси и Союзного Государства

Тамара Крюченко

Рядом с Заслоновым

На родном станкостроительном заводе имени Кирова (ныне ОАО «СтанкоГомель» Владимир Шкабарин прошел путь от ученика токаря-расточника до специалиста пятого разряда. За доблестный труд, плодотворную рационализаторскую работу Владимир Афанасьевич в 1971 году удостоен ордена Ленина, а в 1973-м ему присвоено звание «Заслуженный работник промышленности БССР». А вот медаль «Партизану Великой Отечественной войны» получена в юности: Шкабарин сражался в партизанском отряде имени Кирова бригады Заслонова. Мне не раз доводилось общаться с ветераном на уроках мира, организуемых областной ветеранской организацией в колледже искусств имени Н. Соколовского в преддверии 26 ноября, дня освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков. В теперешние годы не раз была свидетелем в преддверии 9 Мая, как тепло чествовали его с оркестром у подъезда дома представители городской администрации, Центральная районная ветеранская организация, ... В два с половиной года Вова с родителями пережил переезд с Гомельщины на Витебщину. И возвратился уже после войны в деревушку Перерост Добрушского района к деду по линии матери Титу Свириденко. За три года сельской жизни научился всей крестьянской работе. А в 1948-м его, подпольщика и партизана Великой Отечественной войны, призвали на армейскую службу. В 1957-м по армейскому сокращению приехал в Гомель. Устроился учеником на станкостроительный завод имени Кирова.

Мужание

Его отец был коммунистом. Когда началась война, его оставили для подпольной работы. Семью пытался отправить в тыл. Уже на Смоленщине путь телеге Василисы Шкабариной с детьми перерезали оккупанты. Пришлось вернуться в село.

— Как-то поздним вечером, когда мы ужинали, зашел мужчина и сообщил отцу: «Сено из Горок привезли». Человек прихрамывал. Батя пригласил его к столу, — делится Владимир Афанасьевич. — Позднее узнал, что это руководитель заброшенной с Большой земли разведгруппы. При приземлении подвернул ногу, ее нужно было перебинтовать...

В общем, постепенно отец подключил и меня «возить сено в Оршу». Однажды я доставил радиоприемник по указанному адресу. Однако среди населения Высокого было немало тех, кто приветствовал новый режим, с ненавистью относился к коммунистам. Как-то поздно вечером, когда мы спали, раздался требовательный стук во все окна, засветили фонарики. Отец с мамой метались по дому. Папа сунул под матрац пистолет и приказал нам с братишкой Петей не вставать. В ту ночь и мать, и отца арестовали. Назавтра все Высокое обсуждало эту новость. Вскоре маму отпустили, за отца требовали 40 подписей, чтобы люди поручились. Мама ходила по селу, выплакивала их. Вряд ли собрала, отца увезли в Оршу. Мы тоже последовали туда — в своем селе оставаться было рискованно. Поселились в частном доме по улице Красноармейской. Всю неделю ходили по тюрьмам, пытаясь найти отца. 30 апреля нам с мамой удалось попасть к нему в гестапо, отдать передачу. Правда, у нас на глазах немцы все смешали — сигареты, табак, хлеб, сало. Отец еще хотел Петьку увидеть, но 1 мая свидание не разрешили. 2 мая отца вместе с другими невольниками расстреляли...

Бывшая учительница немецкого языка, работавшая у фрицев переводчиком, передала: «На тебя, Володя, поступил донос как на участника подпольного сопротивления, уходи, я бумагу на время придержу. Но не на одного тебя эти «векселя» есть». Как ни пытался я узнать у нее, кто сдал, не сказала. Объяснила просто: «Молодой, горячку сотворишь. А мне еще работать надо». Я доложил командиру подпольной группы. И мы решили двигаться к партизанам. Мать проводила меня. Больше я ее не видел. Потом узнал, что фашисты расправились и с ней как с женой коммуниста.

С дядей Костей

Неоднократно Володе Шкабарину приходилось встречаться с самим Заслоновым, участвовать в совместных партизанских боях.

— Каким был Константин Сергеевич? —поинтересовалась я.

— Он ходил в фуражке пограничника. Темно-синее галифе, сапоги, куртка кожаная. Маузер у него был, планшет... Питался из одного котла со всеми. Простой был. Настоящий командир!

В бою в Пашковском лесу, помнится, власовцы на нас наступали. В основном там росли ели, а противник бьет разрывными пулями. И хотя не так страшно в лесу —90 процентов их не долетает, ощущение все равно неприятное. Я видел, как один из партизан подбежал к Заслонову и сказал, что пулемет заедает.

— Дай-ка мне его, — сказал «дядя Костя» (партизанский псевдоним Заслонова — **прим. автора**). И тут же собственноручно испытал оружие. Понял, что боец просто струсил.

— Не бойся! Отступать нам некуда. Ложись в цепь, — сказал Константин Сергеевич.

И потом громко скомандовал: «Рота автоматчиков Короткова, заходи с правой стороны!» А ведь там от силы было отделение партизан.

После того боя было много раненых. Мы отошли. Тогда уже была связь с Большой землей, и на поле у деревни Коковчино зажгли солому, встречали самолеты. Редкость для того времени, но прекрасно помню, что прилетели три «Дугласа». Два сели, а третий кружил, охранял, пока выгружали оружие, боеприпасы, заносили раненых. Я тогда стоял в оцеплении. И вдруг передают: «Тебя вызывает «дядя Костя». Оказалось, он хотел отправить меня в качестве сопровождающего раненых на Большую землю. Когда я пришел, самолеты уже были на взлете.

— Ну, Володя, я тебя следующим рейсом отправлю, — сказал мне Заслонов. Но следующего рейса уже не было. 13 ноября 1942 года он, 33-летний, погиб вместе со своим адъютантом в бою у деревни Куповать Сенненского района Витебщины. Рассказывали, что его последними словами была команда: «Свирин, уводи людей в лес!»

У озера Палик

В мае 1944 года началась карательная операция группы немецких армий «Центр» против крупнейшей Борисовско-Бегомльской партизанской зоны. Более 80 тысяч солдат и офицеров противника за две недели боев смогли благодаря преимуществу в живой силе и технике оттеснить народных мстителей в болота. 11-27 июня — тяжелейшие дни окружения, страшный голод — пережил с друзьями и Владимир Шкабарин.

— Немец там неустанно бомбил с утра до обеда, потому как мы все в болоте лежали. Самолеты отбомбятся, улетают на заправку, и тут шестиствольные минометы начинают долбить, пока вновь самолеты не появятся. В обед по громкоговорителю фрицы издеваются: «Приятного аппетита!», забрасывают листовками с призывом сдаваться.

От голода голова кружилась. Чуть приподнимешься, хватаешься за куст, чтобы не упасть. Хорошо, что наша пропаганда тоже не дремала: ранее были сброшены брошюры, как партизану пропитаться и выжить. В общем, оводов там хватало, и мы отщипывали по чуточке от каждого и ели. Сладковатый вкус тот помню и сегодня...

Отошли мы с москвичом Паниным и сибиряком Мамонтовым метров сто, сидим по пояс в воде. Слышим немецкую речь. Давай к олешнику, где островки земли, и там какое-никакое укрытие: водой подмыло корни. Получилось убежище. Я сапоги снял, ноги поджал, чтобы быть незамеченным. Прикрылся ольховыми ветвями. Совсем рядом раздается «хальт», «хальт», и через меня переступает фриц. Вижу его лицо под сеткой от комаров, прорезиненный комбинезон, автомат на животе...

Через несколько часов двинулись с друзьями на остров, где базировалась бригада «дяди Коли». Оказалось, немцы успели там расправиться с госпиталем, с гражданским населением...

Окапываемся на даче

...Владимир Афанасьевич теперь под душевным шефством дочери, ветерана «Гипроживмаша». Периодически переступает заводскую проходную своего предприятия, которое носит уже иное название: ОАО «СтанкоГомель». Да и как иначе: столько радостного, волнующего пережито с родным коллективом, в котором последние годы возглавлял ветеранскую организацию. Вот и с заводским другом Виктором Сикорой не разлучны.

— В «партизаны» вместе из Гомеля съезжаем, на даче окапываемся за 104-м микрорайоном, — подчеркнул Виктор Корнеевич.

Я родом не из детства — из войны

Аэлиту Ивановну Самсонову, медсестру фронтовых госпиталей, впервые я слушала на уроке мужества в Гомельском государственном педагогическом колледже имени Н. Выготского. Ее воспоминания о пережитом настолько потрясли, что не могла не условиться о новой встрече. Аэлита Ивановна пригласила к себе домой.

В разговоре выяснилось, что я знала по работе на радиозаводе и ее сына, а больше невестку, Валентину, активную участницу художественной самодеятельности.

Женственность, обаяние, внутренняя культура, умение сказать о главном из пережитого, не выпячивая своих заслуг — такая она, участница Великой Отечественной войны Аэлита Ивановна Самсонова. И ныне, выступая на городских митингах в честь Дня Победы или Дня независимости Республики Беларусь, не покидает чувство гордости, что эта героиня наша современница, гомельчанка. Не покидает ощущение, что именно с нее писала свои пронзительные стихи Юлия Друнина: «Я ушла из детства в грязную теплушку, в эшелон пехоты, санитарный взвод...»

В 2019-м Аэлиту Ивановну назвали «Женщиной года». Она почетный ветеран областной, городской и Центральной районной ветеранских организаций и держит эту планку своей гражданской позицией, стремлением пробудить в сердцах молодежи самые лучшие струны души. Участник Великой Отечественной войны, Самсонова из тех ораторов, кому веришь. Такая жизнь пройдена! И в XXI веке она в ладу с новыми технологиями, пишет эсэмэски и общается по скайпу...

...Аэлита родилась в российском Орле. В 1937-м пережила потрясения, связанные с репрессиями в отношении матери-польки, что рикошетом ударило и по отцу: железнодорожный диспетчер остался не у дел. Дочь-школьница тоже прочувствовала негатив по отношению к себе: кое-кто спешил отстранить активистку от школьных мероприятий. Однако Аэлита крылья не сломала: в глубине души чувствовала, что справедливость восторжествует. Не озлобилась, не замкнулась. Летом 1941-го окончила семь классов и курсы Осоавиахима (общество содействия обороне,

авиационному и химическому строительству), получила звание инструктора. Не могла и предположить, что вскоре придется оказывать первую помощь реальным раненым в родном городе.

Война началась с налетов вражеской авиации, нещадно бомбившей вокзал, предприятия Орла. Вчерашние романтические школьницы вживались в обстановку военного времени. Чужая боль, страдания мобилизовали сжимать волю в кулаки накладывать повязки, шины, перевязывать раненых сквозь собственные слезы. Потом Аэлита с подругами окончила двухмесячные курсы медсестер и попала работать в госпиталь под Воронежем. Однако вскоре его расформировали, и около месяца довелось провести в запасном полку. Демобилизовали: лет маловато, чтобы двигать на фронт.

Она отправилась к тете, жившей в Ташкенте. Там пошла в военкомат, но ответ последовал: «Жди!». Попросилась на военный завод: в декабре в узбекскую столицу прибыл «Ростсельмаш». Приняли ученицей токаря, потом стала токарем, затем сверловщицей, электросварщицей приваривала крылышки к стабилизаторам мин.

Наступил 1943-й. В городе формировался госпиталь. И с ним двинула Аэлита на фронт. Первая остановка была в городе Прилуки Черниговской области. Изнурительный, сутки напролет, труд. Раненых было особенно много в период наступления: по 100-150 человек на медсестру, санитарку.

— Надо же было быстро отмыть бойцов, потом обработать раны, сделать перевязки, оказать необходимую помощь, — делится Аэлита Ивановна. — Перевязочного материала не хватало: бинты стирали, сушили. На дежурствах свертывали, складывали в биксы для дезинфекции.

Память, душу мне не рви

Однажды после такого дежурства, когда, казалось, хоть чуть-чуть удастся вздремнуть, сообщили: прибыла санитарная летучка. Требуется срочная помощь раненым.

— Добрались мы на вокзал. Стоит санитарная летучка. Это обычные товарные вагоны. Часовые открыли их, а там... раненые немцы, —рассказывая об этом, моя собеседница словно

вновь переживает те же эмоции. —Никто их не хочет выносить! У каждого такие к ним счеты! Не было ведь ни одной семьи, которую бы обошла их жестокость. Замполитам пришлось убеждать: это пленные раненые, и наша задача как медиков выполнять свой долг.

От двоюродной сестры Аэлита наконец узнала: отец со своей войсковой частью в госпитале в Гомеле. Долгожданная встреча состоялась в городе над Сожем! С этим госпиталем и был ее путь на Запад.

В январе 1945 года, когда располагались на территории Польши, прибыли раненые. Среди них и голубоглазый симпатичный парень, обратившийся к неотразимой сестричке с необычным вопросом: «Данный товарищ, как вас зовут?» Так и началось притяжение любящих сердец, вопреки войне со всей ее непредсказуемостью и бесчеловечностью... Борис Самсонов, уроженец деревни Антоновка Калинковичского района, после двух месяцев лечения, последовал дальше со своей частью, но писал Аэлите письма. А они не успевали найти адресата: ее госпиталь перемещался, его часть переформировывалась и шла своим маршрутом.

— 8 мая наш госпиталь был свернут, и мы должны были двигаться дальше. И тут начмед сообщает: «Девчонки, Победа!» — вспоминает Аэлита Ивановна. — Что тут началось! Палили из чего только можно, обнимались, целовались, поздравляли друг друга с окончанием войны. Накрыли столы. Раненые, которые еще оставались у нас долечиваться, плакали от счастья: теперь-то уж точно будут жить. 10 мая погрузились в эшелон и прибыли в Ландсберг. Помнится первое ощущение, когда шли по узким улицам этого старого города, и с двух сторон повсюду в окнах и административных зданий, и жилых домов, вывешены белые флаги. А мы с такой гордостью вышагиваем по этой мостовой! Враг повержен, и не повернуть ему вспять колесо войны. Это придавало столько радости, надежды, уверенности в грядущем мире и осуществлении жизненных планов.

Она не забудет экскурсию в Майданек. Это было уже после того, как там побывала международная комиссия по расследованию нацистских злодеяний.

— Водил нас по территории фабрики смерти бывший узник

лагеря, россиянин, врач. Все рассказывал в деталях, через что довелось пройти представителям многих национальностей, — выдыхает Аэлита Ивановна. —Были в бараке, который по самую крышу заполнен обувью жертв: от детских пинеток до взрослых сапог, туфель, ботинок. Другой барак набит волосами, которые представители так называемой высшей расы собирали здесь, чтобы наполнять ими матрацы, а в третьем из людской кожи моделировали абажуры, дамские сумочки. После той поездки нам, уже имеющим опыт войны медикам, давали снотворное: не могли спать.

И, ей-богу, просто некогда стареть

В июле их госпиталь переместили в Карлсхорст, он стал госпиталем советской военной администрации. В августе 1945-го здесь родилась первая девчушка. Аэлита работала в поликлинике, училась у врачей. В октябре 1945-го получила письмо от Бориса, а 1 апреля 1946 года они встретились. 17 апреля 1946 года в Берлине Самсоновы скрепили подписями свой брак, отпраздновали свадьбу в госпитале. И, конечно, не случайно выбрала эта семья для жизни Гомель: у Аэлиты здесь была памятная встреча с отцом, для Бориса это областной центр его малой родины. Красивая семейная пара Самсоновых — ветеран связи и ветеран Вооруженных Сил — и свою золотую свадьбу праздновали в Гомеле! Когда осмысливаешь их личную историю, понимаешь: так любить, жить, работать умело это поколение!

...У Аэлиты Ивановны прекрасные продолжатели рода пять внуков и десять правнуков! Общение со всеми держит в тонусе. Она по-прежнему остается в строю, рада каждой встрече с молодежью. Учащиеся, студенты гомельских вузов бывают у нее дома. В ненавязчивых диалогах проходят беседы, обогащая ребят знаниями о войне от первого лица. Такие свидетельства не просто важны — бесценны в наше непростое время, когда призрак фашизма бродит не только по Европе.

Тамара Крюченко

Я з вёскі Пагоннае

21 жніўня 2015 года ўраджэнец вёскі Пагоннае Хойніцкага раёна Мікалай Якаўлевіч Міхаленка стрэў у Гомелі ўласнае 100-годдзе, атрымаў пашпарт на новы век. Шчыра віншавала яго Чыгуначная раённая ветэранская арганізацыя. Яе кіраўнік Таццяна Іванаўна Адамовіч арганізавала адметную акцыю: дзядуля пасадзіў дубок каля дома.

Гамяльчанінам ветэран вайны і працы стаў пасля чарнобыльскай катастрофы, калі яго вёска перастала існаваць на карце Гомельшчыны. Я гутарыла з гэтым цудоўным чалавекам восенню 2014-га ў гарадской кватэры, дзе ветэран жыў з дачкой Марыяй, ветэранам «Гомелькабеля»: 37 гадоў адшчыравала яна на прадпрыемстве...

Гледзячы на Мікалая Якаўлевіча, рослага трывушчага палешука, цяжка паверыць, што ўзрост такі. Мабыць, сялянская праца, жыццёвыя цяжкасці, перажыванні, якіх хапіла за век, і загартавалі волю, даюць сілы і сёння. Упэўнена, што сакрэт даўгалецця і ў тым, што Марыя клапоціцца пра бацьку, ён у яе, як кажуць, як сыр у масле.

— Бацька плануе наступнай вясною з'ездзіць у роднае Пагоннае, —дзеліцца Марыя. —Ён жа пасля адсялення вёскі так і ніколі больш туды не завітваў, не хацеў вярэдзіць сэрца. Дом там застаўся, яго рукамі збудаваны, з чарацяным дахам. Якраз перад катастрофай у Чарнобылі бацька дзверы новыя паставіў, дубовыя...

Я ўбачыла, як засвяціліся вочы Якаўлевіча, калі ён пачуў пра сваю хату.

— Я ж там пад дахам пашпарт свой даваенны захаваў, павінен уцалець, —сказаў стары. — Дачакацца б вясны, калі не паеду, то пешкі пайду!

... Як усе тагачасныя дзеці, Мікола працаваць пачаў ужо ў пяць гадоў. Ногі ў пасталы ўсунуў — і кароў пасвіць.Да самых маразоў. А ўжо калі зіма зацісне ўсё холадам, самы час за навуку браццца. Шэсць класаў скончыў кемлівы палешучок. А пасля пайшоў вучыцца на курсы трактарыстаў у сваім саўгасе. Так званы «калфонд» быў створаны ў той час, займаліся асушэннем балотаў.

У 1937-м Хойніцкі райваенкамат прызваў у армію. Служыў у Старой Русе шафёрам, вазіў генерала артылерыі. А пасля дэмабілізацыі ў 1940-м накіравалі Міколу ў Васілевічы падвучыцца

на экскаватаршчыка. Замацаваць навуку давялося ў Краснапольскім раёне Магілёўшчыны. А тут вайна. Дзесьці каля Лоева ў палон трапіў, але не разгубіўся, зрабіў з хлопцамі падкоп пад калючым дротам і пазбег лёсу застацца вязнем.

На другі год вайны Мікалай Міхаленка становіцца байцом партызанскага атрада імя Катоўскага ў тагачасным Камарынскім раёне. Даведка, выдадзеная штабам партызанскага руху Беларусі, нагадвае, што ў радах народных мсціўцаў Якаўлевіч змагаўся з фашыстамі з 12 мая 1942 года па 2 снежня 1943-га. Затым ён уліўся ў рады Чырвонай арміі, удзельнічаў у вызваленні Касцюковічаў і іншых беларускіх гарадоў. Пазней прарываў абарону праціўніка ў раёне Ковеля, а таксама каля заходняга берага Віслы на поўдзень ад Варшавы, браў польскія гарады Лодзь, Гнезен, Познань. Дакладней, вазіў шафёр Міхаленка на сваім аўто штабную гаспадарку. Згадвае, што іншы раз і самога Жукава дастаўляў на фронт. Суджана было з ім і ў Берліне павержаным стрэцца.

— Георгій Канстанцінавіч з намі і чарку падняў, сказаў, што мы, франтавікі, будзем забяспечаны ўсім у мірным жыцці, — дзеліцца ветэран. А дэмабілізаваўся Міхаленка толькі 15 кастрычніка 1945-га, бо ледзь не трапіў на вайну з мілітарысцкай Японіяй.

— Нас тады ў Пушкіна даставілі, і мы ўжо трэніраваліся як дэсантнікі, адпрацоўвалі скокі з парашутамі, — зазначае Якаўлевіч. — А тут адбой, вайна гэта, дзякуй Богу, не паспела разгарэцца. Так што вярнулі нас зноў у Берлін. Вывозіў я нарабаванае фрыцамі дабро, станкі, у Чалябінск. Як цяпер памятаю, першая партыя — 37 гружаных аўтамабіляў.

Якаўлевіч быў паранены ў нагу, кантужаны і зараз носіць асколак у левым воку. Не ўласціва яму ныццё і скаргі, аднак вярэдзіць сэрца салдата Вялікай Айчыннай, што людзі зараз забыліся, як трэба шанаваць мір, берагчы збудаванае і зробленае ўсёй народнай грамадою рэспублік былога СССР. Перажывае стары за суседнюю Украіну, згадвае сваіх аднапалчан, што адзіным шматнацыянальным фронтам рухаліся да Перамогі.

Узнагароды — як каардынаты мужнасці Мікалая Якаўлевіча: медалі «За ўзяцце Берліна», «За вызваленне Варшавы», «За перамогу над Германіяй», «За баявыя заслугі», а яшчэ ордэн Айчыннай вайны другой ступені. Кніжачкай падшытыя падзякі

Вярхоўнага Галоўнакамандуючага Іосіфа Сталіна за вызваленне і ўзяцце гарадоў. Ёсць між іх і падзяка Вярхоўнага за ўзяцце Берліна за нумарам 359, датаваная 2 мая 1945-га. Сям' я свята захоўвае гэтыя рэліквіі. Дарэчы, да іх далучаны і ганаровыя граматы бацьку і дзядулю як лепшаму камбайнеру саўгаса «Перамога сацыялізму» Хойніцкага раёна ў пасляваенны час.

Вось такая дакументалістыка чалавечага лёсу: выстаяў у полымі вайны, вярнуўся на роднае Палессе, добрасумленна працаваў на бацькоўскім полі. І тут новая навала: чарнобыльская трагедыя.

Аповед ветэрана пра чарнобыльскую катастрофу

— Я ў той дзень з мужчынамі лавіў рыбу ў канаве каля Прыпяці, кіламетрах у трох ад станцыі, — расказвае стары, і такое ўражанне, што для яго гэта было нібыта ўчора. — І тут вубух. Мужыкі кажуць, што самалёт узарваўся, а я ім даказваю, што гарыць станцыя. Прыйшоў дадому і дакладваю жонцы, а яна мне: «Маўчы!»

А насупраць нас жыў мой дваюрадны брат. Ягоны сын Валодзя, што працаваў на станцыі, аказаўся ў рабочы час дома. Ён і пацвердзіў маё меркаванне, маўляў, страшная бяда здарылася.

Затым я пайшоў да нявесткі, яна працавала эканамістам у канторы. Чуў, як яна тэлефанавала ў Мінск, прасіла парады, што рабіць. А там, у сваю чаргу, з Масквой гаворку вялі. У саўгасе нашым на той час каля трох тысяч дойных кароў утрымлівалі.

І вось іду я па вуліцы (у нас ужо асфальт буў). Бранявік едзе. Стаў супраць мяне. Хлопцы ў процівагазах выглянулі і дазіметр на мяне скіравалі. Як затрашчыць! Вайсковыя тыя на мяне: «Дзед, уцякай!»

— Куды?

— Кідай усё, бяжы!

Прымчаў я дадому, і хуценька са старой рашыліся мы ехаць на сваім матацыкле з каляскай у Бабруйск да дачкі. Узялі дакументы, дзверы добра зачынілі,і ўперад. Ужо пад Бабруйскам паліва скончылася, заглох матацыкл.

Звярнуўся я да міліцыянераў: так, маўляў, і так, едзем з-за Хойнікаў. Каб вы ведалі, як імпэтна яны знайшлі каністру бян-

зіну: «Запраўляйся, дзед,і імчы адсюль хутчэй!» Пазней я дакумекаў, што так усе той радыяцыі баяліся. І ў Бабруйску даччыны суседзі па пад' ездзе ад мяне ледзь не ўрассыпную кідаліся, казалі, што жоўты налёт на вадзе ў лужынах —ад майго матацыкла.

Дык ці можа вось так неспадзеўкі вырваны з жыцця на роднай зямлі селянін прызвычаіцца да горада? Канешне, не. Вось і Якаўлевіч, калі прыехаў у Гомель да дачкі, наважыў: «Бяры зямлю!» На тым участку ў Плёсах домік пабудаваў, сад пасадзіў, а не менш гаспадарлівая Марыя цяпер шчыруе тут, каб радаваць бацьку ўраджаямі. Паляшуцкая працавітасць сям' і, якая стараецца трымаць у парадку не толькі ўласную кватэру, вокны якой выходзяць... на дах магазіна «Вікторыя», але і гэты дах, і пад' езд, не ўсім па густу. Лямпачку ў пад,ездзе ўкруціць для многіх праблема. «Вам трэба, то і ўкручвайце, а мне і так добра» — сказаў неяк на просьбу старога мажны бэйбус.

— Неяк не па-людску жывём, — дзеліцца ветэран вайны. — Не цэняць людзі дзяржаўнае, агульнае, па-варварску гатовы нішчыць усё. Так і думаеш, хто іх выхоўваў? Я ж сваіх траіх дзяцей змалку прывучаў да працы, як колісь і мяне мае бацькі. Будзе чалавек як след працаваць — то і ва ўсім ён будзе дабрэнны.

Як тут не пагадзіцца з ветэранам?

Во славу общей Победы

Уроженец брянского села Ольховка Андрей Дмитренко до войны успел окончить два курса педагогического училища в Стародубе, занимался в радиокружке. Парень был увлечен постижением всего нового, что происходило в стране. Выходец из многодетной крестьянской семьи, он много трудился: мать умерла в 1936-м, а отец, инвалид Первой мировой, с усохшей рукой, не мог управляться с хозяйством без посторонней помощи. Опорой стали дети.

В период оккупации Брянщины Андрей вместе со сверстниками участвовал в подпольной борьбе, а в 1943-м был призван на фронт, освобождал Гомельщину от немецко-фашистских захватчиков. В частности, форсировал Сож у тогдашней деревни Жеребное (ныне Чкалово) Гомельского района.

Не менее сложные испытания выпали на долю связиста Дми-

тренко и на Витебщине, а позднее, при освобождении Польши, и на территории Восточной Пруссии.

Слушая Андрея Никитовича, вспоминавшего различные эпизоды своей военной биографии, удивлялась: как можно было сохранить, пронести сквозь годы, как кадры кинохроники, эпизоды сражений, имена полководцев, друзей. Такое под силу людям пытливого ума, неравнодушным, целеустремленным.

Андрей, семнадцатилетним парнем встретивший войну, мечтал скорее добить врага в его логове и вернуться на малую родину, продолжить учебу. Вот что рассказал бывший фронтовик о взятии Берлина:

— Берлин горел, весь был в дыму. Немцы жгли мусор, разные архивы. Горели здания, деревянные перекрытия. Стоял такой дым, что было невыносимо.

Моего друга Мишку Цуканова и других ребят с рациями забрали в специальный отряд корректировщиков. Кто-то попал к танкистам, кто-то в авиацию. Они не ходили в атаку, а днем и ночью в наушниках, занимались корректировкой огня.

Мишка Цуканов попал в общевойсковую армию, к пехоте, на передовую и блестяще выполнял задачи. А я работал с летчиками. Нам придали звено штурмовиков-истребителей Ил-2.

Помнится, как командующий тяжелой бомбардировочной авиацией «привел» массу самолетов. Цуканов спрашивает у него: «Зачем пожаловали?» Командарм в ответ: «Конфеты буду вам раздавать». А как найти цели в таком дымище? Мишка сообщал им: «Ракету видите? Это я на здании...»

Самолет-корректировщик летал и снимал цели благодаря тем ракетам. Проявлялась пленка, готовилась оперативнейшая карта обстановки! И вот наши штурмовики бьют по целям реактивными снарядами. Один заход — по три летят на Берлин, затем следующий круг — еще три, и еще. Отбомбились одни, налетают другие. Горы щебня, кирпича...

Те, кто попал в пекло Берлина, дышали гарью и получали затемнение легких. Жуков, когда об этом узнал, приказал более двух суток не держать бойцов, сменять. Но кто сменит наших связистов? Ребята там так и оставались...

Мы находились на ближайшем аэродроме. Моя задача — выпускать самолеты на бомбежку — взлет, посадка. Аэродром не-

большой. Но наши летчики умудрялись на самолетах Петлякова брать по две бомбы. Сбросил и возвращается. По три раза оборачивались.

В Берлине каждый дом был словно цитадель. По одному высотному зданию, помню, врезали из «катюши». А потом из орудий. Груда развалин. И она копошится, ворочается. Какой-то Ганс вытащил белый флаг над этими руинами: «Не бейте, мы и так тут умрем...»

Спустя три дня после взятия Берлина Андрей Дмитренко вместе с другими связистами и летчиками был переброшен в Закавказье: готовили самолеты и экипажи к планировавшейся очередной операции, которой впоследствии дали отбой. Андрей направился в Рижское военное училище. Дважды пытался поступить в военную академию, но отказывали по причине перенесенного на войне ранения в ногу. Затем очередной поворот судьбы. Создавалась система ПВО страны на Севере, а ВВС Северного флота были самые внушительные. «Свободного времени там хватало, и я не тратил его попусту: поступил в Гомельский пединститут, а потом заочно окончил Ленинградский педагогический институт имени А. Герцена, — поделился Андрей Никитович. — Все очень удивились, увидев мой диплом по специальности «история»: в то время у нас в северных ВВС не было ни одного начальника политотдела с высшим образованием».

Женился Дмитренко на белоруске из Кобринского района Брестчины. Демобилизовавшись, молодая семья выбрала для мирной жизни Гомель, близкий к родному для Никитовича Климовскому району Брянщины. Непродолжительное время Андрей Никитович работал в архиве Гомельского обкома партии, потом — в машиностроительном техникуме. В мае 1972-го получил ученую степень кандидата исторических наук, а в 1980-м — ученое звание доцента по кафедре общественных наук. 38 лет посвятил молодому поколению. Завершал трудовой путь уже в реформированном государственном торгово-экономическом университете.

Андрей Никитович не порывает со своими студентами. Ему звонят бывшие выпускники, постоянно на связи и председатель профкома сотрудников вуза Анна Трофимова. И дочь Алла обе-

регает отца от излишних волнений. А общаясь с людьми такой закалки, как Андрей Никитович, и сам становишься сильнее.

Этот город знаком мне до слез...

В Гомеле живет ветеран артиллерийской разведки Николай Евгеньевич Касперович — кавалер ордена Славы III степени, ордена Отечественной войны 1 степени, отмеченный и медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За Победу над Германией и многими юбилейными. В домашнем архиве гомельчанина также грамоты и дипломы за добросовестный послевоенный труд в промышленности и активное участие в художественной самодеятельности.

...Подростком, выпускником семиклассной гомельской железнодорожной школы №4 Коля Касперович встретил тот июньский рассвет 1941-го.

Два добротных деревянных дома их семьи располагались на нынешней Ветковской улице областного центра.

— А родился я, когда мать с отцом жили в районе нынешней улицы Гагарина, — поделился участник Великой Отечественной. — У них были еще две дочери: Алла и Вера. Девичья фамилия моей мамы Сидорская, она родом из Вильнюса. Старшая дочь Алла от другого отца по фамилии Череухин. Мама хорошо играла на фортепиано, занималась домашним хозяйством, воспитанием нас, детей. А еще она была активисткой-общественницей.

Не так давно одна из племянниц моего героя нашла уникальные бумаги: есть автобиография, написанная его отцом Евгением Николаевичем. Он 1879 года рождения, был из крестьян, занимался земледелием. Потом окончил уездную школу, служил по найму в народных училищах. Воевал в первую мировую войну, в 1917-м — в Красной армии. Стал служащим. С 1925 года состоял в союзе Земорганов БССР. Четыре курса отучился в строительном техникуме.

В заполненном личном листке (наподобие нынешнего учета кадров) Евгений Касперович сообщает потрясающую весть: в 1917—1922 годах он был начальником снабжения формирования Гомельского уездного военкомата, интендантом фронта обороны Черноморья и Севастопольской крепости. Судя по должно-

стям, человек был всесторонний, позднее работал помощником бухгалтера «Центроспирта», бухгалтером-статистиком Белгосстроя, техником-экономистом планового отдела в порту. И это еще не весь перечень. В 1938-1939 годах Касперович-старший был плановиком клинкерного завода, главным бухгалтером торфяной артели и ревизором областного промышленного союза. Семья жила в доме №3 по улице Ветковской…

Николай Евгеньевич выходит на балкон и, всматриваясь в глубину двора, сообщает: и сегодня его квартира в доме на Ветковской практически там, где прошли детство и юность, в которую ворвалась война.

В ночь с 13 на 14 августа 1941-го

В городе уже царила тревожная обстановка. В небе и ранее появлялись вражеские самолеты. Как-то при обстреле из их пулеметов пуля попала в цоколь дома Касперовичей. Коля достал ее и носил с собой как экспонат. Но ночь с 13 на 14 августа стала роковой. Семья понесла самую тяжелую потерю.

— На мамин день рождения мы еще успели собраться всей семьей, поздравить ее. Были и родственники, соседи. А ночью впервые такой массированный налет фашистской авиации. Пролетели, набросали «зажигалок». Отец с крыши нашего дома сбросил их и взобрался на соседний. Я — помогать ему, а он замахнулся киркой по крыше на очередные ракеты, но получилось, что нечаянно меня сбил. Закричал: «Ой, я, наверное, Кольку убил». Спустился вниз ко мне. В это время бомбы падали со свистом. А мама была на выходе из погреба. С нее сорвало одежду, осталась в сапожках войлочных, и… осколком в голову. Все. Погибла наша мамочка, и дом наш уничтожен: вынесло кухню, одну стену, и печку завалило на фортепиано. Кругом все горит, и пылища жуткая: во дворе была огромная бочка с цементом, которую разбомбили…

Слушаю Николая Евгеньевича, и ощущение такое, словно это было вчера. Тот же двор, то же небо… Но XXI век. И в мире снова неспокойно.

По дорогам войны

Николай Касперович и сегодня, как самый дорогой сувенир, оставшийся из их довоенных домов, хранит белого керамического слона. Его вместе с другими домашними вещицами спешно закопали рядом с могилой мамы, во дворе.

— Наша родственница тетя Роза дружила с кем-то из силовых структур. Она позаботилась, чтобы мы быстро покинули город. Приехала полуторка. Уезжали с отцом, даже не до конца проводив маму: могилу еще засыпали. До сих пор жжет душу этот момент, — рассказывает ветеран. — Мы успели отправиться последним составом, увозившим население города вглубь страны, потом железнодорожный мост через Сож взорвали. Дороги эвакуации вели через Сталинград, Оренбург, Ташкент, Ашхабад...

В Ашхабаде Николай стал учиться в железнодорожном техникуме. Выдавали паек: 400 граммов хлеба на день. В столовой варили для студентов суп из черепах: хоть какое-то мясо. Но самое страшное, по признанию ветерана, было отсутствие приличной одежды и обуви. Из-за этого очень страдал, ведь местные парни были нормально одеты. Иногда пытался обменять свой скудный паек.

— Я еле выдержал ту учебу, ходил в военкомат, так что, наконец, отправили на фронт, — поделился Евгеньевич. — В 1943-м из письма сестренок узнал: отец умер во Фрунзе 18 августа 1943 года от кровоизлияния в мозг. Ему было 63 года... Вот такие мои счеты фашизму.

Эх, Европа...

На мой вопрос о героизме Николай Касперович ответил вопросом, который смутил: «А вы мое тело видели?». Ветеран стал расстегивать рубаху, а я стушевалась, зная, что у человека два ранения и контузия. Увидела... изображения орла и женщины на груди, на предплечьях Крым и памятник погибшим кораблям, а также лик Ленина и Балтийское море. Тату дополнили представление о герое.

— Командиром разведки у нас был моряк с потопленных кораблей. И в 1943-м он заставил нам всем семерым парням сде-

лать эти наколки. «Орел — это символ Победы. А женщина — Родина-мать. Орел спасает Родину. Символично», — пояснил командир. Мы пытались противиться: мол, зачем, это ведь на всю жизнь останется. А он нам: «Ребята, какая жизнь. Можете погибнуть в следующем бою. Но я уверен: в плен не сдадитесь, иначе на ваших спинах фрицы будут звезды резать!» Мы были смертниками. 70 процентов нашего состава погибло. Последний патрон я все время носил в гимнастерке вместе с комсомольским билетом.

Два года на фронте, но каких! В бригаде резерва Главного командования, когда за одну ночь могли бросить в самые разные места, туда, где скопились танки противника. Задача — оказать поддержку всему фронту.

— Я обыкновенный солдат. О героизме не думал: главное, бить их танки и двигаться вперед. Раненых мы не трогали, если, конечно, не сопротивлялись. Все бои похожи: будь то село, высотка или Берлин. Мы впереди передовой, на нейтральной полосе. Выискиваем, куда стрелять, ведем корректировку огня. На тебя лезут вражеские танки, их сопровождает пехота: пьяные или обкуренные фрицы. Лезут и лезут. Нам приказ отбивать танки: хоть гранатой, хоть «коктейлем Молотова», потом уничтожать каждого из них. Хочешь сам выжить — будешь бить, — отмечает Николай Евгеньевич.

Самой сложной он считает Ясско-Кишиневскую операцию, в одном из боев была безнадега: выступали со знаменем полка…

Он форсировал Днепр, Вислу, Одер, Шпрее. Получил шесть благодарностей Верховного Главнокомандующего с перечнем такого количества городов Польши и Германии, что хватило бы на несколько судеб.

— Я к наградам очень спокойно отношусь. Главное, что мы одержали Победу, — говорит Евгеньевич. — Боевые «переселил» на новую военную форму, которую к 95-летию подарили коллеги из областной организации ветеранов военной разведки. Юбилейные медали оставил на костюмном пиджаке.

В его домашнем архиве есть уникальные фото, сделанные уже в послевоенной Германии. Запечатлел ребят там во время службы и оказания помощи рудодобывающему предприятию «Висмут», где был буровиком-подрывником, потом — радиоме-

тристом. Не раз и там были шансы погибнуть. Но он вернулся в 1952 году в родной Гомель, на свою Ветковскую улицу, к могиле мамы. Участвовал в перезахоронении, когда здесь начали снос и строительство новых домов. Некоторое время жил и на улице Советской в районе троллейбусного парка. Когда на Ветковской выросли пятиэтажки, вернулся в свой двор…

Невольно заговорила с Николаем Евгеньевичем о современной Европе, «благодарности» нашим народам, спасшим ее от фашизма: сносе памятников советским командирам и солдатам, осквернении мемориалов. На что бывший военный разведчик махнул рукой и выдохнул: «Да ну их!»

Трудовая книжка

Дочь и сын, внуки живут в Ступино Московской области. Евгеньевич гордится тем, что все его ребята служили в армии. Все у них сложилось хорошо. Приезжают, постоянно общаются с отцом и дедом по скайпу, поддерживают и по телефону. Очень болит еще рана: умерла супруга Клавдия Петровна, кавалер ордена Знак Почета, ветеран труда с 43-летним стажем, долгие годы отработавшая на «Электроаппаратуре», отмеченная Почетной грамотой Верховного Совета БССР…

Но когда бывший разведчик показал свою трудовую книжку, невольно возникло желание выставить ее как музейный экспонат наряду с его боевыми наградами. Основные годы ветеран отдал «Гомсельмашу» и станкостроительному заводу имени Кирова. Его профессий с лихвой хватило бы на пару десятков человек. Постоянно осваивал новое. Шлифовщик, разметчик, слесарь, ремонтник, заточник, фрезеровщик, карусельщик, строгальщик. Причем только шестой и пятый разряды. Как каменщик работал на строительстве птицефабрики в Терешковичах Гомельского района. Был и шофером. Имеет и музыкальное образование, выступал со многими творческими коллективами как аккомпаниатор-баянист. За выступление на декаде белорусского искусства в Москве получил Грамоту Верховного Совета БССР. И теперь как выдаст на инструменте свои любимые песни военного репертуара!

В квартире Касперовича также целый «иконостас» наград от

областной организации Белорусского общества охотников и рыболовов: дипломы, медали, кубки. Николай Евгеньевич — старейший охотник региона, участвует и побеждает в соревнованиях разного уровня.

— Я желаю всем землякам, всей нашей стране мира. А ума и рук нам хватит, чтобы обеспечивать свою жизнь, — сказал бывший военный разведчик Касперович.

Памятай імя сваё

Гэта была адна з самых памятных маіх журналісцкіх камандзіровак у лютым 2005 года на Рагачоўшчыну. У абласным савеце ветэранаў падказалі : у вёсцы, што расцягнулася абапал ажыўленай шашы, жыве ўдзельнік Вялікай Айчыннай Рыгор Міхайлавіч Міронаў. Даглядае яго дачка Марыя, інвалід па зроку.

Ехала я на дызелі да Жлобіна, каб там перасесці на аўтобус. Міжволі ў вагоне стала сведкай размовы двух пенсіянераў са стажам. Адзін з іх дзяліўся сваімі пакутамі: маўляў, вырашае няпростае жыллёвае пытанне. Ён, бацька пяці дзяцей, расказваў спадарожніку, што плануе выпісацца з гарадской кватэры ад дачкі, перапрапісацца зноў у сваёй старой халоднай хаце, каб атрымаць як удзельнік Вялікай Айчыннай яшчэ кватэру... для сына.

Сустрэча з ветэранам Міронавым у Лучыне была вельмі яркім кантрастам да дарожных уражанняў: галоўным багаццем Міхайлавіч лічыў тое, што жывым вярнуўся з вайны. Ён не хадзіў па інстанцыях з патрабаваннямі да дзяржавы, жыў, атулены клопатам невідушчай дачкі. Родныя, блізкія, суседзі не міналі іх дом...

... Дзіву даешся, як абсалютна пазбаўленая зроку жанчына робіць усё сама — пачынаючы ад уборкі, прыгатавання ежы і да кансервавання гародніны. За доўгія гады сваёй слепаты Марыя навучылася навобмацак вызначаць месцазнаходжанне прадметаў і рэчаў. Праўда, пяць гадоў таму, калі бацька ўпершыню страціў прытомнасць, не адразу зразумела, што яму дрэнна. Шум падаючай табурэткі насцярожыў: штосьці здарылася ў доме. З той пары дачка надоўга не пакідае бацьку аднаго.

Прынамсі, і Марыя, і прыйшоўшая да іх на бяседу цётка Вольга, старэйшая сястра дзеда Грышкі, былі адзіныя ў тым, што галоўным героем маёй публікацыі павінен быць ён, герой вай-

ны. Прынеслі фотаздымкі і ўзнагароды. Адно фота датавана 30 снежня 1945 года і адрасавана бацьку і маці. З яго глядзіць у наша сёння 21-гадовы юнак. За паўтара гады свайго ўдзелу ў вайне Рыгор Міронаў здзейсніў сапраўдныя подзвігі, адзначаныя ордэнам Чырвонага Сцяга і медалямі. Мост варожы браў, два доты нямецкія ліквідаваў. Здаецца, што згадваючы гэтыя эпізоды вайны, мой змучаны хваробамі суразмоўца скідае цэлыя дзесяцігоддзі і з маладзецкім запалам кіруе зноў па таму мосту ў Германіі, пад перакрыжаваным агнём дотаў:

— Я падпоўз да першага і кінуў гранату, але выбух быў не адразу. І за тыя секунды з жахам падумаў: «Не дай Бог палон». І тут як бабахне! Пакуль яны былі ў здранцвенні, я сіганўў праз траншэю ў іх тыл, падкраўся збоку да другога дота. Чарговую гранату кінуў і страляў па іх вельмі метка. Бо ўсё было як на далоні.

Рыгор Міхайлавіч не скардзіўся мне, што ім з дачкой патрабуецца тая ці іншая дапамога. Ён і сёння перажывае за дзяржаву. «Дзяржава магутная — і я моцны» ,— справядліва зазначыў дзядуля. А вось на былых саюзнікаў па вайне і сёння нясе крыўду, што доўга не адкрывалі другі фронт. Сказаў, што галоўнае для Беларусі трымаць нейтралітэт, не ўмешвацца ў ваенныя канфлікты. Падзяліўся, што пісьмо на гэту тэму адправіў Прэзідэнту.

— Грышка, не лезь ты ў палітыку! — на правах старэйшай сястры скубла за рукаў цётка Вольга былога франтавіка. А ён супраціўляўся: «Я ж дзела кажу». І гэта высвятленне адносін было такім шчырым, што ў доме стала яшчэ ўтульней і цяплей. Як дарагую рэліквію паказваў дзед Грышка віншавальнае пісьмо-трохкутнік ад А. Р. Лукашэнкі.

У доме няма тэлевізара, але выпісваюцца газеты, якія для старога —сувязь са светам. Не абыходзяць увагай суседзі Сідаравы, сын і брат Аляксей з Рагачова са сваёй сям'ёй, добразычлівая цетка Вольга. А лучынскі прадпрымальнік Юрый Смірноў абавязкова адчыніць дзверы і пацікавіцца здароўем, спытае, якіх прадуктаў падвезці і як аператыўна даставіць. Так што ад дапамогі сацыяльнага работніка Міронавы пакуль адмаўляюцца. Нікога не вінавацяць у сваіх праблемах, вырашаюць іх самі.

Комбат, батяня

Накануне Дня единения народов Беларуси и России в 2009 году встречалась в Добруше с участником Великой Отечественной Павлом Архиповичем Крюковым. Он что-то мастерил в летней кухне и вышел навстречу в броской байковой рубахе. Присмотрелась: да она же вся расцвечена серпами и молотами. Ай да комбат!

...Осень 1943-го. Артиллерист Павел Крюков нес дежурство на наблюдательном пункте. «Что-то фрицы подозрительно копошатся здесь», —сделал вывод, увидев, что противник укрепляет балки речной переправы. Взял карандаш и легко зафиксировал на обрывке листа то сооружение. Благо, навыки, полученные в художественной студии, помогли сделать это профессионально. Впоследствии рисунок оказался весьма кстати. Наша разведка пыталась выяснить, где же «тигры» Манштейна пойдут на деблокаду 6-й армии Паулюса. Сведения Крюкова не совпадали с разведданными, но Павел был непоколебим в своих выводах. Интуиция подсказывала ему: не зря противник так усердствовал на этой переправе. (После того, как балки были закреплены, немцы открыли шлюзы и затопили их водой).

Командование перепроверяло информацию. Полковник Кожемякин, командир танковой бригады (кстати, уроженец Огородни Добрушского района), взявший за ориентир сведения разведки и двигавшийся к совершенно иной переправе, вскоре оценил наблюдательность земляка. Железные махины с крестами на броне поползли именно там, где указывал Крюков, и его батарея била в хвост «тигров» прямой наводкой. Смерч из осколков льда обрушился на противника, танки проваливались на переправе и шли на дно... Сам Рокоссовский тогда распорядился за такое «ледовое побоище» вручить Крюкову орден Александра Невского! Кожемякин получил звание генерал-майора за то, что сберег свою бригаду.

— А ведь попереживал я немало за ту переправу. «Особисты» приезжали, начальник политотдела присылал, — делится Павел Архипович. — Объяснял я, отстаивал свое мнение. Прав оказался! Но главное, людей зря не положили.

Потом о нем напишут в армейской газете, и он будет настоящим героем для своих ребят. Ровесник для многих своих ба-

тарейцев, он станет настоящим «батяней». Для белорусов, русских, евреев, татар, казахов, азербайджанцев. Понимать людей Крюкова научило пережитое самим везение на хороших людей. В предвоенное время в его селе Глубоцком в Гомельском районе жил потрясающей эрудиции человек — Даниил Иванович Коваленко, выпускник Московского государственного университета. Он привез шикарную библиотеку, поддерживал тягу детей к чтению. Приветствовал и увлечение Павла игрой на мандолине. Рядом с Глубоцким стояла военная часть, и многие мальчишки из многодетных семей прибились к армейцам, к местному духовому оркестру. И когда служивые, опекавшие подростков, двинулись в сторону западной границы, деревенские, а среди них и Пашка Крюков, пристали в роли «сыновей полка». За две недели до начала Великой Отечественной ребята находились в летнем лагере между Малоритой и Брестом. Владимир Елисеевич Лобанок создал тогда из них первый истребительный батальон…

В августе 1942-го выпускник Томского артиллерийского училища Павел Крюков — командир взвода запасного артполка на Воронежском фронте, с июля 1942-го — командир взвода, а позднее — батареи под Сталинградом.

Как бы сложно ни было, старался понять своих бойцов. Татарину разрешал совершать намазы, баптиста направил поваром, однако автомат вручил…

— Выстоять, выжить в экстремальных ситуациях помогал юмор, — делится ветеран. — Не забуду командира дивизиона украинца Высоцкого — его рост соответствовал фамилии. Над нами насмехался: «Что это за гвардейцы — аршин с шапкой». Так ребята за словом в карман не лезли: «Зато мы неуязвимые для пули»….

А на той памятной переправе Крюкова сильно ранило. Но он успел рассчитать наводку и перевел батарею на осколочный огонь по вражеской пехоте, двигавшейся за танками….

Победный май 1945-го Павел Архипович встречал в Праге. Комбатом 145-й армейской пушечно-артиллерийской Черкасско-Киевской бригады служил целый год в Львовском военном округе. А возвратившись на родину получил педагогическое образование и вскоре возглавил коллектив Переростовской средней школы в Добрушском районе.

Свидетель тогдашнего его директорства, ветеран педагогического труда Мария Даниловна Томашова поделилась: «Физруком меня направили в эту деревню в 1952-м. Сирота круглая, мать умерла, когда мне три годика было. Отец на фронте погиб. Так Павел Архипович принял меня как сестру свою по сиротской доле. Нашел дом, определил на квартиру. Потом и жена его, Анна Григорьевна, опекала меня — то картошкой, то молоком делилась».

Подумать, скольких детей воспитал Павел Архипович! Это нельзя сравнить с материальными победами, его работа не поддается оценке. А сам герой и не заметил, как приблизился к 88 годам. Да задаст еще фору внукам и правнучке! Вы бы видели, как лихо передвигается ветеран на велосипеде. Весна, забот много. И в огороде покопаться, и хозяйство досмотреть.

А рубаха в серпах и молотах — как знак принадлежности своей идее, своей эпохе. «Комбат, батяня, батяня, комбат...» Ни шагу назад!

А жизнь – она вся – в пути

Мне запомнились крылатые стихи участника Великой Отечественной войны, летчика авиации дальнего действия Петра Семеновича Касьяненко из его книги «Комета». Встречалась с автором, который пришел поделиться радостью осуществления давнишней мечты. Бывший летчик тогда не рассказывал о своих подвигах, а читал стихи-посвящения, в частности своему Учителю — дважды Герою Советского Союза Александру Молодчему. А ведь сам Петр Касьяненко на заключительном этапе Великой Отечественной бомбил Берлин. Всего за ту войну он совершил 28 боевых вылетов с налетом 101 час.

Там забытое детство живет

Родился Петр Касьяненко на Алтае, неподалеку от родины Василия Шукшина. Семья была многодетная, у родителей 11 детей.

Наверное, с красотой алтайской земли впитал маленький Петя тягу к сочинительству. Повзрослев, узнал, что корни рода — укра-

инские. Вот что писал Петр Семенович в своих воспоминаниях уже на закате жизни:

Когда-то на пороге XX века прадеды мои с детьми и внуками, покинув родные места на Сумщине, оказались в предгорьях Алтая, в Западной Сибири, где зимы тогда с морозами за пятьдесят были нормой. Аклиматизировались! Свободные земли, свободные люди —трудись! Отец и мать, вывезенные туда малыми детьми, повзрослев, создали семью, а к разгару Первой мировой отец уже был на фронте. Сырые, а то и с водою по пояс, окопы под Ригой. Бои, до рукопашных схваток. Вспоминал: когда «Николашка» объезжал войска, проходя перед строями, беседуя на ходу, сказал сопровождавшим его командирам: «Господа офицеры, берегите себя, а этого навоза — кивнул в нашу сторону — у нас хватит...»

Вскоре власть переменилась, солдаты ехали домой. Простаивая в Питере, подверглись насильственному изъятию у них всего провианта матросами. Отец в числе группы смельчаков добрались к Троцкому с жалобой, и — «получили!», рады были ноги унести. «Жаловаться, — кричал тот, — на революционных матросов!...» Отец, стоявший сзади, ретировался первым в приоткрытую дверь.

Позднее Семен Касьяненко был рекомендован командиром крупного партизанского соединения в Одессе на Кремлевские курсы красных командиров. Отказался, так как крестьянская тяга к земле была сильнее.Однако он все время был в активистах. Перед 1937-м его арестовали, посадили, спастись еле удалось...

Отбушевали годы непогодой

В 1939-м Петр поступил в Томский топографический техникум. Дядя советовал ему: «Иди в топографы, эта профессия востребована, всегда будешь с куском хлеба». Но парень одновременно отправился и в начальную школу пилотов в Барнауле. «В мае 1941-го, с отличием окончив обучение, не побывав и дома, был зачислен в Омскую военно-авиационную школу пилотов, — писал Петр Семенович в своих воспоминаниях. — Через месяц началась война. Домой я прибыл через пять лет. Долгих, как целая жизнь...»

В 1941-м он летал на По-2, Р-5, а после окончания школы в 1943-м, уже на фронте, на самолетах Сб и Ил-4. В 1944-м освоил Пи-2, а в победном 1945-м бомбил Берлин на Ил-4 как командир экипажа. Все это написано красивым почерком в летных книжках, которые вместе с воспоминаниями отца мне показал сын героя, Анатолий Петрович, в то время преподаватель юрфака ГГУ имени Ф. Скорины.

— Отец очень бережно относился к своим архивам, — подчеркнул Анатолий.

Из воспоминаний Петра Касьяненко об участии в Берлинской операции

Мне как участнику, хочется вспомнить навсегда запечатлевшуюся картину в момент бомбового удара — грандиозность огненного штурма. Когда включились знаменитые теперь жуковские 140 прожекторов и на противоположный берег Одера посыпались наши бомбы, ударила многотонная артиллерия, «катюши», земля буквально закипела в огне. Не было обычных раздельных взрывов или отдельных трасс бомбовых серий, была кипящая огненная лава на всем назначенном участке, в которой сгорела мощнейшая оборонительная линия врага, были уничтожены стянутые туда основные гитлеровские оборонительные силы. 550 самолето-вылетов было сделано вслед за нами нашей авиацией в эти сутки.

Мы были готовы лететь на Берлин. И когда однажды вечером собрались на НП для получения задания, был объявлен приказ о вылете на Берлин, в помещении наступила необычная тишина. Волнение каждого воина слышалось в этом молчании. Настал час возмездия.

Все экипажи включены в выполнение задания, сам командир поднимается в воздух. Комиссар полка, не относящийся к летному составу, включен в один из экипажей для полета. Предельно высокий патриотизм у всех участников полета не оставлял сомнения в успешном выполнении бомбового задания в любых условиях. Тщательно готовились к полету. Мы, комсомольская молодежь, придумывали и писали на стабилизаторах бомб уничто-

жающие афоризмы гитлеровским недобиткам. Это было ночью 20 апреля 1945 года. Наши бомбы рушились на логово гитлеровского фашизма карающей силой. После ударов дальней авиации противник не сразу приходил в себя. Берлин не оказал сильного сопротивления.

Ночью 27 апреля, когда наши войска оказались на улицах Берлина, мы снова бомбили этот большой темный город, имея строгую точку прицеливания — центр города, где находилось гитлеровское верховное командование и остатки фашистских войск.

Полк, в котором сражался Касьяненко в конце войны, дислоцировался в Польше. Потому и День Победы Петр Семенович встретил там. Вскоре их перебросили на Японию, снова пришлось участвовать в боевых сражениях в небесах.

На зябровском аэродроме

В 1944-1949 годах 210-й дальнебомбардировочный авиационный гвардейский полк базировался на аэродроме Луполово на Могилевщине, в октябре 1950-го — в Бобруйске, а с сентября 1951-го — в Зябровке под Гомелем. Сюда прибыл и Касьяненко для продолжения службы.

В первый год летчики участвовали в учении, которое проводил Маршал Советского Союза Василевский. Он дал высокую оценку части за выполненное бомбометание. Среди офицеров, овладевших полетами в сложных условиях днем и ночью, в докладе на торжественном собрании полка 7 ноября 1954 года, упоминали и Касьяненко. Только за 1957 год им совершено 59 вылетов днем и 88 ночью. Все это зафиксировано в летной книжке командира отряда, капитана. «6 августа 1957-го сдавал технику пилотирования на Ту-16 ночью с производством взлета и посадки на грунтовую взлетно-посадочную полосу. По всем позициям оценки «отлично». Командир сделал запись в летной книжке Петра Семеновича о допуске его к самостоятельным и инструкторским полетам. И это только один фрагмент содержания летной книжки.

— Отец рассказывал, что на стадии передачи Ту-16 войскам ему довелось быть испытателем у Туполева и особо смотреть

тормозную и посадочную часть самолета, — делился Касьяненко-младший. — А из Зябровки отца комиссовали по состоянию здоровья, по времени это совпало с хрущевским сокращением. После ухода из дальней авиации он мечтал вернуться на Алтай, на свою малую родину, но решающим моментом стало то, что мама из Чернигова. Осели в Гомеле.

Я подбит, как птица — на войне

Специального филологического образования у Касьяненко не было, но страстью его оставалось сочинительство. После Зябровки устроился литсотрудником в районку «Маяк». Позднее работал в отделе культуры Гомельского района. Когда появилась вакансия заместителя директора по научной работе в музее дворцово-паркового ансамбля, бывший летчик нашел там достойное применение, под его редакцией вышел сборник «Гомель».

— Мама работала в Гомеле в бюро пропаганды от Союза писателей Беларуси, организовывала встречи с литераторами. В то время Иван Шамякин возглавлял творческий союз и курировал работу бюро, — делился Анатолий Касьяненко. — В нашей домашней библиотеке есть книги с автографами многих известных белорусских писателей. Стихи отца публиковались в «Гомельскай праўдзе», журналах «Неман», «Советский воин», «Крылья Родины», а также в альманахах, коллективных сборниках.

Отец вел активную переписку, у нас, к примеру, хранится ответ ему известного белорусского поэта Федора Жичко: тот редактировал к изданию книгу, которая длительное время готовилась к печати в Минске, но так и не вышла. Я предложил отцу издать ее у нас в городе, на «Полеспечати». И он с интересом взялся за это. Постоянно ходил в типографию, что-то правил.

Творчество Петра Семеновича тогда высоко оценил и поддержал писатель Юрий Фатнев. Он часто общался с бывшим летчиком и написал предисловие к его книге «Комета», посвященной Женщине, Земле, Небесам.

Стихи в этот период стали для участника войны не просто формой самовыражения, все чаще он философски осмысливал прожитое и пережитое. Его строки из 90-х прошлого века актуально звучат и сегодня:

Я надену ордена — смотрите.
Я подбит, как птица — на войне.
... Новых бед, что воронья в зените.
Вечной болью «вечный бой» — во мне.
Не годится нам договориться.
На границах то же воронье.
Юность, не успевшую влюбиться,
Нации отвозят под ружье.

В предисловии к книге «Комета» Юрий Фатнев отмечал: «В его летной практике был эпизод. Два самолета шли на предельной высоте. Стеной встала над ними гроза. Первый пилот, пошедший на таран с грозой, погиб. Касьяненко шел вторым. У него тоже не было выхода. Он остался жив, потому что совершил немыслимое: поднял бомбардировщик над грозой, хотя потолок высоты был взят ранее и даже теоретически самолет не мог подняться выше... Профессиональный летчик и в литературе совершил немыслимое: летит над грозой».

Антонина, сестра Петра Касьяненко, рассказала в свое время в «Алтайской правде» об еще одном не менее впечатляющем случае.

Во время войны, дислоцируясь в Омске, брат пролетал над родным селом и сбросил свое письмо с собственной фотографией. Так сообщил родным, что жив...

Мой друг-бродяга старый спиннинг

— Отец был страстным охотником и рыболовом, — делился Анатолий. — И это тоже большая часть его жизни. Дачный поселок Смычок в Гомельском районе в середине 60-х годов принадлежал военному обществу охотников и рыболовов. Летом туда приезжали даже севастопольские моряки с подводных лодок. И я заболел морем, видел себя моряком-подводником. Но мама все время отстаивала свою точку зрения: «Достаточно нам в семье одного военного, летчика!». Моя военная карьера закончилась тем, что мне подарили бескозырку.

Слабых в небо не берут

Петр Касьяненко был сильным человеком. Признавался сам в одном из стихотворений, «характер пуще динамита, что с боем города берет». В другом утверждал: «Шел напролом, не угождая свету...»

— Он был требовательным в плане дисциплины, семейных традиций, у него был сибирский характер, — делился Анатолий.— Очень похож на отца внешне его внук Игорь. А вот Петя, названный в честь деда, не имеет внешнего сходства.

У Петра Касьяненко немало стихов, посвященных родной России и второй родине — Беларуси:

Моей Сибирью — родиной моею —
Всегда светло, как матерью, горжусь.
И есть другое имя рядом с нею,
Что юным сердцем встретил — Беларусь.

И словно завет потомкам звучат такие строки:

Другие бьются
За жизнь со вкусом,
А жизнь —
Она вся —
В пути...

Зенитчица

С Любовью Васильевной Мамстовой общалась в год ее 95-летия в Лоеве. Бывшая зенитчица жила в этом райцентре на улице, носящей имя Героя Советского Союза Бориса Царикова...

Слушая рассказ женщины о пережитом, я соотносила их судьбы. Борис погиб в октябре 1943-го за день до своего 17-летия, Любовь семнадцатилетней встретила войну, в родной Ростовской области стала зенитчицей и дошагала до Германии. Ее высочество Судьба! Меня очень тронуло, что и в столь почтенном возрасте эта уникальная женщина оставалась домовитой хозяйкой, ценила общение, могла подстрочить и одежду на машинке «Зингер», стол накрыть для гостей. Думалось: может в этом и есть благодарность свыше человеку за отнятую юность, за весь тот не девичий страх, пережитый под вражескими бомбежками и обстрелами?

...В поселке Нижняя Кундрючка Ростовской области се-

мья Сорокиных жила непросто. У родителей двое детей, Люба и Миша, и сложно даже прокормиться, не говоря о должном устройстве быта. В поисках лучшей судьбы перебрались в Красносулинский район, в совхоз «Ударник». Здесь мать Любы устроилась поваром, а отец — каменщиком. Тяжелый труд на строительстве свинокомплексов неплохо оплачивался, притом, и продуктами.

Восьмой класс Любаша оканчивала уже на центральной усадьбе хозяйства. А перед маем 1941-го семьи школьников получили сообщения: уплатить по 150 рублей за ученика, чтобы ребята продолжили учебу. Таких средств семья не могла пожертвовать, и Люба устроилась в детский садик. Ей нравилось заниматься с малышами, музицировать на гитаре. Однако война внесла свои непоправимые коррективы, и вскоре симпатичная девушка, как и многие ее сверстники, будет пытаться избежать угона в Германию...

— В 1943-м, после Сталинградской битвы, стали и девушек призывать, делится Любовь Васильевна. — Семеро нас из «Ударника» отправилось в город Шахты, на призывной пункт военкомата. Там значительно пополнились девчонками, в итоге нас целый состав вагонный двинул на Ростов... А я, знаете, в чем ехать на фронт собралась? В белой собственноручно вышитой блузке, как на праздник. Так двоюродная сестренка Варя прибежала к поезду и заставила переодеться в синюю майку со шнуровкой. По пути нас нещадно бомбила вражеская авиация.

В освобожденном Ростове уже формировался артиллерийский полк, и Люба с боевыми подругами вскоре расположились на территории «Ростсельмаша», впервые увидели свои пушки. Недели только через две девчатам выдали военную амуницию, а внезапный налет прорвавшейся авиации противника, бомбившей стратегические объекты, стал лучшей тренировкой для начинающих зенитчиц.. Любу определили радисткой, а поскольку рации не было, выполняла задачи 4-го номера.

— Я крутила ручкой дуло 85-миллиметровой зенитной пушки, — объясняет и демонстрирует движения собеседница, словно это происходило вчера. — Наводчица помнится здоровая такая девчонка, рослая. А я пониже ростом, кругленькая, на бруствере стою. Уши ватой затыкала, чтобы не оглохнуть.

Периодически были и проверки из дивизиона, девчонкам

приходилось тщательно готовиться. Они, как убеждала практика, и состав пушки лучше многих мужиков знали, да и били фрицев, как следует. Об этом читаем в романе «Зенит» народного писателя Беларуси Ивана Шамякина.

В сентябре из артиллерийского училища Грозного прибыло мужское пополнение, ребята 1926 года рождения, армяне, грузины, казахи. Безусловно, и Люба была в центре внимания. В момент затишья девушка с гитарой пела, и под ее мелодии кружились парни и девчонки в вальсе. Молодость брала свое!

— В сентябре нам с подружкой Евдокией Соболевой дали небольшой отпуск, и я приехала домой. А мама в слезах: она только-только похоронку на отца получила, — рассказывает бывшая зенитчица. — Он умер по болезни, охраняя военный завод в Свердловске.

Потом Любовь Сорокину отправили учиться на радиста-телеграфиста и вскоре зачислили на батарею. Службу несла уже в Горловке Донецкой области. Расквартировали девчат-зенитчиц, что позволило лучше обустроить быт. А позиции были рядом, в нескольких метрах.

В составе 419-го отдельного зенитного противовоздушного дивизиона Любе предстояло нести боевые дежурства на переправах и мостах через реки, а подчас и выполнять обязанности посыльной по доставке донесений командованию через абсолютно незнакомую местность, в любую погоду, когда единственным «попутчиком» была обычная винтовка. Но чаще всего для зенитчиц звучали команды: «Батарея! Заряжай! Огонь!» Как в той именитой песне Николая Расторгуева — ее тихонько напевает и сопровождает свое повествование моя героиня. И показывает послевоенное фото, датированное 1975-м годом, когда ветераны дивизиона встречались в городе Шахты. Среди них и дорогой всем зенитчицам батяня-комбат Василий Савчук, с которым прошли суровыми верстами военной судьбы и выстояли.

Тамара Крюченко

Алексей из Дубровки

После охраны переправ через Западную Двину у белорусского Верхнедвинска летом 1944-го — новые задачи уже на территории Прибалтики. Разве можно забыть сильнейшие бомбежки, которым подвергались зенитчицы под Даугавпилсом, когда враг уже чувствовал скорое возмездие, и, казалось, сатанел от ярости.

Однако были в суровых военных буднях и такие бытовые хлопоты, как дежурства по кухне. Люба Сорокина и не гадала, что одно из них станет поворотным в ее судьбе.

— К нам с другой батареи двух парней-белорусов, 1919 года рождения, прислали, — рассказывает Васильевна. — Они и разместились в одной землянке. А я пищу им в котелках доставила в тот день. Крутнулась, чтобы уходить, и слышу: «Иван Андреевич, запомни. Вот эта девушка — жена моя будущая». Сказал мой Алексей Ефимович, словно пригвоздил. Кстати, потом его сосед Иван на другой нашей зенитчице женился, из ростовского Аксая. Встречались после войны с ними.

А ее Алексей, парень из лоевской деревни Дубровка, до войны успел окончить Речицкое педучилище, получить начальный учительский опыт в деревне Свиридовичи. Призвали в армию. В 1941-м, на второй июньский день войны комбат Мамстов со своими бойцами охранял мост через Днестр на территории Молдавии, пока по нему не проследовал последний эшелон. Летом 1942-го участвовал в отражении танкового десанта противника, наседавшего на станцию Невинномысск на Ставрополье…

Свадьба Алексея и Любы была в пригороде немецкого Штутгарта, когда расквартировали их в дачных домиках. В наследство достались два велосипеда, задние колеса которых были обтянуты сеточкой. У невесты не было даже свадебного платья: гимнастерка, юбчонка. Парни расстарались для свадьбы товарища Мамстова: поймали бесхозно бродившую корову и выменяли у населения на канистру спирта. Девчонки насобирали смородины, налепили вареников, да и тушенки в застолье было вдоволь.

Алексею довелось задержаться в поверженной Германии: он отвечал за отправку зенитчиц дивизиона на родину. Каждой выделялось по 10 килограммов сахара, 10 метров ткани… Люба с нетерпением ждала на своей родине мужа, и встречала его прямо у воинского эшелона со слезами счастья на глазах.

Новый жизненный поворот случился спустя два года, когда

молодых навестил свекор-белорус и так оценил незнакомую ранее местность: мол, как здесь жить, коль нет лесов? Так и прибыли на Лоевщину, в Липняковский сельсовет. Когда Алексей пошел устраиваться на работу, предложили учительство в Бывальках. Стоило семейной паре услышать от соседа присказку «Кто в Бывальках не бывал, тот горя не знал», как оптимизм пропал. Направились в другую сторону: в Рудню Маримонову. Пять лет Алексей Ефимович работал там и учителем, и директором, отстроил школу как следует. А тут из района новое предложение —возглавить местный колхоз. Еще одна пятилетка прошла там. Хозяйство отмечалось малой серебряной медалью ВДНХ СССР, а председатель заслужил в те годы два ордена: «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени. Перебрались в Малиновку, 15 лет участник Великой Отечественной Мамстов возглавлял колхоз имени Карла Маркса, в 1971-м получил очередной орден — «Знак Почета».

Мама — хранитель очага

Во всех победах мужа, вне сомнения, и вклад жены. Это лишь на первый взгляд у Любови Васильевны скромный удел домохозяйки. Сколько довелось ей принимать и привечать самых разных гостей, приезжавших то за опытом, то с проверками. Кормила, поддерживала беседы в застолье. Успевала и сыновей-мальчишек как подобает смотреть, и мужа наряжать, и с приличным домашним хозяйством управлялась. Девять лет досматривала больную мать.

— Может, потому, что комбат Мамстов, возвращаясь из Германии, мою гитару не довез (ее сдуло еще на тамошней территории), и сыну нашему, Борису, коль верить в приметы, пришлось побывать на немецкой земле? Боря, правда, в ВВС служил, в охране генералов Советской армии в Вюнсдорфе, — знакомит Любовь Васильевна с 67-летним сыном, пришедшим с рыбалки с Днепра.

Борис Алексеевич 27 лет отработал бригадиром слесарей в ЧУП «ВИПРА». Его старший брат Николай 46 лет жизни связал с заводом пластмассовых изделий, возглавлял коллектив одного из цехов. В общем, мощная семья Мамстовых, со своими трудо-

выми и человеческими традициями. У бабушки Любы трое внуков, все приезжают в гости. Племянницы и теперь живут воспоминаниями о детстве, проведенном у тети Любы в Малиновке. А младший сын Борис считает своим сыновьим долгом постоянное шефство над мамой в этом ее поистине золотом возрасте. Это решение принято на семейном совете. Такое отблагодарение дорогого стоит!

Любовь и связь Веры Сочалиной

Уроженка Житковичей, она видела освобожденный от фашистов Гомель в ноябре 1943-го, как связистка участвовала в Гомельско-Речицкой наступательной операции. С 2005 года областной центр стал ее второй родиной: дочери удалось уговорить продать дом в райцентре и переехать. В ноябре 2018 года я общалась с Верой Ивановной Сочалиной в ее гомельской квартире.

Первое замужество

Телеграфисткой в своем райцентре Вера Струповец работала еще в 1939-м. До июня 1941-го отбивала телеграммы мирной жизни. Чувствовала себя на своем месте.

— Подружки постарше пригласили праздновать 8 Марта. Были за столом и их знакомые, офицеры, — рассказывает Вера Ивановна. — Я самая молодая. Понравилась Тихону Марченко, старшему лейтенанту, хотя сама ничего особого в нем не отметила. Он же был настойчивым, встречал меня с работы, признавался в любви и требовал расписаться непременно 1 Мая. Уговорил! Прямо с нашей майской свадьбы Тихона срочно вызвали в военную часть. Так что интимного ничего с ним не имела. Позже, перед самой войной, он прислал письмо с границы с Польшей, просил приехать к нему. Я ответила, что не могу, не отпускают с работы. Больше мы и не увиделись…

На второй день войны житковчане-связисты получили приказ явиться в Калинковичи. Здесь ожидали связистов 3-й армии, те выходили из окружения. После переформирования многие коммунисты Полесья влились в политотдел 3-й армии и другие объединения. 5 августа 1941 года был создан 109-й отдельный

полк связи, в который просилась и семнадцатилетняя Вера. «Вас можем взять только добровольцем», — сказали представители военкомата.

... Смотрю на эту миловидную женщину, которая и на 96-м году жизни остается привлекательной: стрижка каре, зауженные брючки, яркая кофточка. И только тяжелый от наград праздничный пиджак заставляет хрупкую героиню слегка наклониться...

Начало

— Помню красную лозу на берегах Днепра в Лоеве, где мы переправлялись. Вдруг налетела «рама», и потом такая бомбежка жуткая! Уцелели, двигались, как теперь понимаю, в обход Чернигова, в брянские леса. А там новые испытания первой военной зимы. Несмотря на морозы, метели, обстрелы и бомбежки нужно было обеспечивать надежную связь в боях под Москвой.

Полк отличился и под Орлом, в приказах отмечали заслуги связистов, которые делали качественной телефонно-телеграфную и радиосвязь, своевременно доставляли боевые приказы и распоряжения.

«Линии связи и телефонно-телеграфная аппаратура, несмотря на частые переезды по ухабистым дорогам, во всех условиях, будь то отступление или наступление, работали устойчиво и надежно», — подчеркивал в книге «Третья армия. История. Люди. Подвиги» кандидат исторических наук, полковник в отставке Григорий Колтунов, в свое время руководивший телефонно-телеграфным батальоном 109-го полка.

Как дорогую семейную реликвию хранит Вера Ивановна этот сборник с дарственной надписью автора и письмом — поздравлением с 51-й годовщиной Великой Победы. «В нашем полку пока все в норме, — писал военный историк, бывший начштаба, дошедший со своими связистами до Берлина. — Стареем, но пока не сдаемся...» К сожалению, автора уже нет на свете...

...Листая книгу, моя героиня открыла страницы, где значатся их с мужем, Алексеем Сочалиным, имена.

На всю жизнь

— Мы, девушки-связистки, не допускали шуры-муры. И руководство нас держало в строгости, очень уж большая ответственность была на нас, — отмечает собеседница. — Знаете, командиры подчас проверки такого плана устраивали: ступни ног ощупывали, проверяли, одна ли ты в кровати. Так что о близости не помышляли: на такой службе не должно быть отвлекающих эмоций.

Алексей мой россиянин, уроженец деревни Сахарово, из Подмосковья. Мы познакомились и подружились в составе полка в тяжелое время в брянских лесах. Красивый, порядочный молодой человек, участник войны с белофиннами, оказывал мне знаки внимания. Я не скрывала, что и он мне нравится. Свою нежную любовь мы пронесли сквозь все испытания, став семьей после войны. Он интересовался всем, белорусский язык, можно сказать, знал лучше меня. Не забуду, как спросил: «Вера, что такое «парасон»? Я ответила, что это «поросенок». Ну и хохотал же Леша!

В условиях военного времени

Вера была телеграфисткой-радисткой, обеспечивала через коммутатор связь с дивизиями, отправляла шифровки, телеграммы, работала с помощью азбуки Морзе. Образование в семь классов и опыт работы позволяли все делать качественно, грамотно.

— Иногда подводили шифровальщики, — делится Вера Ивановна. —Попадали на службу ребята-самоучки, из-за плохого почерка искажавшие написание цифр, что меняло текст. Приходилось все выверять, править.

А настоящая подруга у меня одна была тогда на ответственной нашей работе: Мотя Попова из Калинковичей. Кстати, не все выдерживали жесткие условия военного времени. К нашему комполка, уже на территории Польши, обратился один из комдивов, чтобы, пока сам будет на курсах, подучили его телеграфистку. Ей все очень трудно давалось, даже строем ходить. Как-то после очередной смены она задержалась после всех в контерке, чистила оружие. И вдруг слышим выстрел. Нелепо жизнь свою молодую загубила… Похоронили ее в чужой земле.

Памятный отпуск

В июне 1943-го 3-ю армию возглавил Александр Васильевич Горбатов. Очень тепло рассказывает о нем Вера Ивановна, отмечает заботу о подчиненных. Командарм постоянно обращался к ним, связисткам-белорускам: когда вступим на территорию Гомельщины, тот, кто поддерживает связь с родными, имеет точный адрес, сможет отправиться в краткосрочный отпуск.

Вере писала из Лельчицкого района мама, жила там у своего брата. Так что девушке дали отпуск на три дня.

— На гомельском вокзале запомнилась женщина в солдатской шинели. Она пыталась руками-культями замотать лежащего на окне младенца в какие-то тряпки. Этого не забыть... — выдохнула Вера Ивановна. — Город лежал в руинах. Из Гомеля до Калинковичей ехала товарняком. Дальше до Мозыря на машине, потом пешком, ночью через лес. В шинели, кирзовых сапогах. Помню, большую реку переходила по мосту, а там домик сторожевой. Попросилась на ночлег. До рассвета перекантовалась, и скорее на Лельчицы. Сколько радости было увидеться с сестрой, с мамой. Брат уже с партизанским отрядом влился в действующую армию. Получилось, что одну только ночь провела я с родными, и надо назад. Снова на товарняках в Гомель. А полк уже отбыл, сообщили, что в Малиновке. Регулировщица посадила меня на машину, и уже под Минском догнала я свой 109-й. Прибыла и сразу пошла в смену.

Дороже наград уваженье людское

Два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга»... В Берлине к рейхстагу связистов не пустили, так что Вера вскоре была отправлена на машине в Подмосковье, к родным мужа. Потом вернулась в Минск, жили на частной квартире. Затем супруга перевели в родной полк, в Гродно. Восемь лет жизни связано с этим городом на Немане. Дальше был Несвиж, откуда муж демобилизовался.

— Мы поехали на мою малую родину в Житковичи. Алексею предлагали возглавить сельхозпредприятие, но он отказывался, считал это не своим делом, — делится Вера Ивановна. — Пошел

на торфозавод кадровиком. Затем мы с ним вернулись в свою любимую связь: 28 лет муж возглавлял районный узел связи, я работала телеграфисткой. Супруг мой был прекрасным человеком. Уважаемым! В 1985 году его отметили Почетной грамотой Верховного Совета БССР. Он был персональным пенсионером республиканского значения, а я — областного. Мы вырастили трех прекрасных дочерей, все получили высшее образование.

Вера Ивановна отдала связи 45 лет. В коллективе «Белтелекома» очень тепло относятся к ветерану войны Сочалиной. В 95-летний юбилей пригласили в профком предприятия, поздравили от души, поддержали материально.

Жить в XXI веке

— Какой вид связи предпочитаете сегодня? — интересуюсь у Веры Ивановны. Она отвечает, что есть мобильник, кнопочный, но все же привычнее общаться по обычному городскому телефону. Чаще звонят ей сами дочери и внуки.

— Но без связи в этом веке не прожить. Столько новаций в ней, молодежь в этом очень здорово разбирается, детвора, — констатирует моя героиня. — Две мои дочери живут далеко. В Гомеле дочка Алла, внучка Элла.... Продолжение рода — правнуки. Все хорошие и любимые, только жить и радоваться. Принимаю от всех родных и знакомых поздравления с 75-летием освобождения Гомеля. Святой для меня праздник!

Сердечный ритм Твардовского

В 2012 году благодаря заведующему кафедрой русской и мировой литературы ГГУ имени Ф. Скорины Ивану Афанасьеву мне посчастливилось общаться с Андреем Турковым, лауреатом премии Правительства Российской Федерации в области культуры 2011 года за книгу об Александре Твардовском. Участник Великой Отечественной войны, Андрей Михайлович автор многочисленных книг и статей, посвященных также творчеству Антона Чехова, Михаила Исаковского, Николая Рыленкова, Юлии Друниной. Человек энциклопедических знаний, цитирующий наизусть страницы прозы и поэзии, и одновременно потрясаю-

ще скромный — такое впечатление вынесла я из общения с Андреем Михайловичем.

— Вы встретили войну 17-летним пареньком. Как это было?

— Я коренной москвич. В первых числах июля нас отправили копать противотанковые рвы на Смоленщину. Там впервые видел, как шли вражеские самолеты на Москву. Над нами происходили воздушные бои. Иногда нас снимали и оттягивали с рубежа, потом снова возвращали. Часть ребят осталась там, судьба мне их неизвестна. Насколько понимаю, многие попали в окружение. Мне повезло, поначалу был белобилетником...

В 1943 году призвали в армию, и я снова попал на Смоленщину. Тогда и прочел начало «Василия Теркина» Твардовского. Ранение, и традиционный в таких случаях итог —«годен к нестроевой». Служил я почти до 1945 года, в строительных и интендантских частях. После войны окончил Литературный институт, связал свою судьбу с литературной критикой.

— Кто ваши родители?

— Отца не знаю. Безотцовщина. А мама была аптечной работницей, у нее очень трудная биография, она очень рано осиротела.

Среди других родственников много интеллигенции. Один из моих дедов — земский врач. Поначалу у него была огромная квартира, принадлежавшая только ему, до времени так называемого уплотнения.

Часто мне приходилось наблюдать такую сцену: дед выходит из ванной и говорит встречным дамам «Извините, я без галстука». Только спустя годы я открыл, что это чеховского Астрова слова.... Вот так писатель воскресает... в неожиданных местах.

— Что больше всего впечатлило вас в личности Твардовского?

— Когда он, подвергавшийся жесткой критике, дал понять, что совершенно не намерен ей полностью подчиняться. Твардовский тогда сказал «Я не собираюсь посыпать голову пеплом». И на протяжении дальнейшей жизни он выполнял это обещание. Александр Трифонович, как вы знаете, дважды редактировал «Новый мир». Один раз его снимали, во второй пришлось самому уйти — были невыносимые условия для работы. Но он «честно тянул свой воз». Он был необычайно совестливым человеком. И это было драгоценно в нем.

Первая моя книга о Твардовском вышла в 1960 году. А досказать о нем удалось уже в наши времена: в 2010-м издана книга в серии «Жизнь замечательных людей». Как раз подоспела к 100-летнему юбилею со дня рождения писателя.

— Вы участвовали в Твардовских чтениях, не раз бывали и на родине писателя. Какие впечатления остались в памяти от этих поездок?

— На хуторе Загорье бывал не раз. А в прошлый приезд мы посетили станцию Починок, самую близкую к малой родине Твардовского. Совершенная глушь! В позапрошлом веке туда был сослан профессор-химик Энгельгардт. В книге, которую его побудил написать Салтыков-Щедрин, была фраза: «Мужик пришел из Починка». Это название тогда, можно сказать, впервые прозвучало. Но спустя десятилетия в этой глуши вырос Твардовский, принесший своей малой родине известность.

— Городок Лоев на Днепре отмечает 69-ю годовщину освобождения от немецко-фашистских захватчиков. В этом крае шло форсирование Днепра. Какие строки из поэмы «Василий Теркин» вы читали студентам?

— Есть в этом произведении глава «Переправа на Днепре», рассказывающая, с каким порывом люди идут вперед:

Под огнем не ждет пехота
Уставной держась статьи,
За паром идут ворота,
Доски, бревна — за ладьи.
К ночи будут переправы,
В срок поднимутся мосты,
А ребятам берег правый
Свесил на воду кусты.
Подплывай, хватай за гриву
Словно доброго коня.
Передышка под обрывом
И защита от огня.

— Вы исследовали творчество прекрасных военных поэтов, смолян Твардовского и Исаковского. Кто из них интереснее?

— Твардовский. Хотя я очень высоко ставлю и Михаила Васильевича, честнейшего человека. Просто масштаб личности Твардовского значительнее. Он был богатырь и по здоровью.

А Исаковский с самого рождения болезненный мальчик, обреченный на разные беды с глазами. Потому и многого лишен в жизни. И далеко не такой активный, каким был Твардовский. Конечно, и у Исаковского есть вещи не забываемые: «Враги сожгли родную хату», «В лесу прифронтовом»... Песни, ставшие поистине народными.

— В одной из своих публикаций вы называли воспоминания Аркадия Кулешова о Твардовском «великой драгоценностью»...

— Мы были очень хорошо знакомы с Аркадием Александровичем, я писал предисловие к его двухтомнику где-то в 1968 году. Когда Твардовский умер, я сказал Кулешову: напишите о нем. На что Аркадий Александрович ответил: «У него сейчас столько друзей объявилось!» Действительно, даже те, кто не был другом писателя, хотели оказаться в этом списке. К сожалению, Кулешов, который был по-настоящему дружен с Твардовским, так и не написал воспоминаний. Но он мне рассказывал, что, будучи на одном из празднований Дня Победы, наблюдая за салютом, заметил, как в глазах отнюдь не сентиментального Твардовского блестели слезы. Собственно, и сам Кулешов не был сентиментальным человеком. Но салют в честь Дня Победы — это было такое дорогое!

Кулешов писал, что своим рождением как поэт обязан поэме «Страна Муравия» Твардовского. А Твардовский очень высоко ценил кулешовское «Знамя бригады». Он говорил, что это одно из самых сильных литературных впечатлений военных лет.

— «Я убит подо Ржевом, в безымянном болоте, в пятой роте, на левом, при жестоком налете...» — эти строки Твардовского как вечное напоминание нам о цене мира и об ответственности за память о погибших...

— Вообще для Александра Трифоновича память — одно из основных понятий души: «Я знаю, никакой моей вины, в том, что другие не пришли с войны...» Это его боль, начиная с зарисовок в финскую войну, с горьких воспоминаний о бойце, который лежит убитый, а война ушла дальше... Твардовскому больно, что будет забыт человек. Это сердце его поэзии. Помните, в поэме «Василий Теркин»:

Кому память, кому слава,
Кому темная вода...

Это сердечный ритм Твардовского.

— С кем еще из белорусских писателей вам доводилось общаться?

— Дружеские отношения у меня до сих пор с Виктором Козько. Как-то мы с супругой гостили у него в деревне. Запомнился тот райский уголок, множество аистов и удивительные люди.

Был я в приятельских отношениях с Алесем Адамовичем, с удовольствием писал о его публицистике. Очень высоко ставлю творчество Василя Быкова, хотя знаком с ним, можно сказать, шапочно. В прошлом году меня в одном из издательств попросили написать предисловие к его сборнику. И хотя, на мой взгляд, он не очень удачно составлен, с удовольствием написал. Быков — замечательный писатель, честнейший. Он к Твардовскому относился трепетно, считал, что Александр Трифонович уберег его от поражения в очень тяжкие дни, когда подвергался критике. Твардовский как-то прислал Быкову в день рождения трафаретное поздравление — заготовку от имени журнала, вписав в него свою строку «Все минется, а правда останется». Быков воспринял это как такую поддержку!

Почему такая мощная поэзия Твардовского, Исаковского, Кулешова? У меня на сей счет своя теория. Потому что Смоленщина и Беларусь — направления одного из самых страшных ударов, страданий народных. И наши писатели восприняли эту боль своим сердцем.

Насколько помню, дружба с белорусскими литераторами завязалась еще в 1935-м: тогда Твардовский был на пленуме в Минске. Познакомился с Петрусем Бровкой, позднее — с Кулешовым. Публиковал он и Янку Брыля.

— Вы впервые в Гомеле. Какое впечатление от наших студентов?

— Очень симпатичные люди. Пушкин когда-то писал: «Я больше люблю стихи без плана, чем план без стихов». На встречах со студентами я предпочитаю читать стихи и немножечко комментировать. Люди всегда воспринимают хорошую поэзию. Кто-то из ребят сказал, что прослезился. Другой поделился: не любил Твардовского, теперь подумает... А это уже плюсик.

Валерий Шукшин: о времени и о себе

Валерию Степановичу Шукшину, генерал-майору авиации, заслуженному военному летчику СССР уже 92 года, периодически общаемся по телефону. А эта многочасовая наша беседа была у них с Нелли Федоровной Ивановой дома зимой 2015-го.

Родом я из Мордовии

— Родился я в Саранске в Мордовии в 1930-м году. Мои родители из тех краев: мама из Пензы, отец из-под Рузаевки. Мама, Мария Васильевна, до революции окончила гимназию, работала в системе образования. Отец агроном, но был им недолго. По болезни оставил руководство совхозом в Казахстане. Переквалифицировался в бухгалтера, и мы переехали из-под Алма-Аты в Подмосковье. Жилья своего не было, скитались по баракам и общежитиям.

22 июня 1941 года мы с одноклассниками гуляли на ВДНХ в Москве, катались на лодках. Услышали выступление Молотова о начале войны. Все ребята были уверены, что фрица быстро погонят наши войска…

В конце ноября, когда сложилась тяжелейшая ситуация в столице, садик от авиазавода, в котором работала мама, эвакуировали в Пензенскую область: сначала в Кузнецк, потом в татарскую деревню Могилки. Так что учиться довелось в татарской школе и жить в татарской семье. Быстро освоил язык.

Потом вернулись в Кузнецк. Мама устроилась диспетчером на электростанцию. Она все время, помнится, рвалась к отцу в Москву —его на действительную военную службу не призвали, рыл окопы на подступах к столице.

Чтобы выехать в Москву, тогда требовались вызов и пропуск. Из Кузнецка мы отправлялись только в феврале 1944-го. Морозы стояли под сорок. Поезда переполнены, пришлось пропустить три состава. Приехали в Москву, а денег нет, карточек тоже. Правда, татарин, у которого мы жили, чуть ли не силой дал с собой мешок махорки: мол, пригодится. Так что я первое время продавал ее стаканами.

Жилье довоенное было разбито. Когда мама устроилась в Институт международных отношений на Крымском мосту, какое-то время жили там. А потом попеременно выделяли места для проживания в различных посольствах. Удобств никаких, туалет один на всех.

Взросление

Поступил я в ремесленное училище от авиамоторного завода в Измайлово. Жизнь показалась раем: трехразовое питание, общежитие. Если рабочий в ту пору получал 850 граммов хлеба, нам, юным, еще 150 полагалось.

Постепенно вызрело решение учиться дальше. 6-7 классы окончил в школе рабочей молодежи, с грамотой. Пошел в авиационный техникум, одновременно стал посещать и третий московский авиаклуб. С детства жила в сердце мечта стать летчиком, можно сказать, с детского сада. Жизнь складывалась так, что постоянно рядом были авиаторы.

Комиссию в авиационное училище не прошел — один сантиметр роста лишний. Инструктор посоветовал, как ужать его. Поступил в училище! И учился... в четырех. Начинал в Балашовском, после года учебы нас перевели в Уманьское. Там осваивали Ил-4, Як-18, Ли-2. После двух лет занятий выпускные экзамены не принимали, направили в город Энгельс переучиваться на новую технику. Оттуда — в Тамбов, осваивать реактивный Ил-28. Потом — в Мичуринск, оттуда снова в Тамбов. Так что выпустили только спустя четыре года.

Шукшин с отличием окончил авиационное училище: было желание получить право самостоятельного выбора места службы. Мечтал оказаться поближе к дому.

А попал в Северный военный округ, на авиабазу между Вологдой и Архангельском. Поначалу довелось терпеть жуткие бытовые неудобства, ютиться в крестьянской избе, в другой половине которой зимой стояли козы, гуси, утки.

Были и проблемы с питанием — в военторге только бочки с соленой треской и черный хлеб. Приходилось бегать на железнодорожную станцию в трех километрах, к поезду Москва-Архангельск, чтобы прикупить в вагоне-ресторане мяса. Когда Шукшин женился, родилась дочь, выделили 9 квадратов площади в финском домике.

Посадку произвел

— На Севере был первый сложный случай в моей летной практике. Уходил я на маршрут последним. Возвращаюсь. В голосе руководителя полета услышал волнение: « Если не увидишь полосу, не садись». Были сумерки. Выпал снег, весь аэродром — белое поле, полос не видно. Хорошо, что я в последние минуты увидел огни и сел. Потом похвалили, что совершил посадку при видимости в 200 или 300 метров, даже заметку в армейской газете опубликовали.

Хрущевское сокращение

У нас сначала сократили целый полк. Потом всех, кто летал на Ил-2, отправили в Мончегорск, понизив на ступень. С заместителя командира эскадрильи я стал командиром звена. Через какое-то время снова разгоняют, причем по-варварски. Дали всего десять дней, чтобы распилить самолеты, погрузить на платформы и отправить в утиль.

Сидим, не летаем. Полгода люди ждали своей судьбы. Я нашел занятие: преподавал гражданскую оборону и попутно окончил курсы водителей-автомобилистов. Потом сообщили, что есть места в дальней авиации, кто хочет, может переучиваться на Ту-16. Поехал я в Рязань.

В дальней авиации

После переподготовки прибыл в Бобруйск, в Беларусь. К тому времени в семье было двое детей. Менее чем через месяц получили две комнаты в трехкомнатной квартире. Свет, вода, газ. И снова ступень за ступенью рост по службе: командир корабля, командир отряда, затем — эскадрильи. Опять переучивание в Рязани на Ту-22, первый дальний сверхзвуковой самолет. И новое место службы — Барановичи, заместитель командира гвардейского Орловского авиационного полка, потом — комполка.

Очень серьезная задача, которую пришлось решать одному из первых в полку, — дозаправка топливом в воздухе. Тяжелее летной работы, чем эта, не знаю. Она требует особой подготовки,

чутья, не каждому удается. А нам приходилось делать даже по две дозаправки.

Топливо от самолета-танкера идет по шлангу, принимающий самолет имеет специальный конус. Происходит автоматический захват шланга и заправка. Затем надо плавно отойти, чтобы произвести расцеп, не порвав шланг. При этом все равно часть топлива проливается на самолет. В течение какого-то времени летчик ничего не видит, кроме этой массы.

Летные истории

Всякое бывало в воздухе. Переучивался в Рязани, летали на Ту-16. Выполняем с экипажем проверку на тактический потолок. Набрали высоту 12500 метров и неожиданно попали в грозу. Не успели оглядеться, как снизились до четырех тысяч метров. Как тогда вывели самолет, этого не объясню. Не знаю сам…

В Барановичах выполнял запланированный показательный полет для какой-то делегации. Надо было на предельно возможной скорости сделать «горку» над аэродромом и уйти. Прошел, поднялся, и тут самолет как клюнет вниз! Автоматика почему-то сработала в противоположном направлении. Тяну самолет вверх, а он, наоборот, двигается вниз. В какое-то мгновение — р-раз, и он становится нейтрально, а затем, как пушка, стреляет вверх…

На Севере у нас был случай. Экипаж гнал самолет после ремонта. А тут погода испортилась. Стали заходить на посадку — не получается. Летчик со штурманом слегка паникуют, переругиваются между собой. Стрелок-радист, ни слова не говоря им, катапультировался. А на Ил-28, когда радист катапультируется, люк открывается, становится как щит. Кое-как сели, и только тогда обнаружили, что нет стрелка-радиста. Искали целую неделю. Оказалось, катапультируясь в полуночное время, он приземлился в тайге. Вышел на ели обозначенную санную дорогу, она привела его к тюремному лагерю. Через ворота его пропустили к начальнику, объяснился, что и как. Обогрели, накормили. Но у них там вообще никакой связи не было. Поэтому ему сказали, что отправят лишь спустя неделю, когда машина поедет за продуктами… Когда радист появился на аэродроме, все были несказанно счастливы, что человек жив.

Зябровский центр

Из Барановичей я уже вернулся в Бобруйск замом командира дивизии. Поступила команда организовать центр по переучиванию летного состава (Ирак, Ливия) в Зябровке под Гомелем. В дальней авиации тогда еще ни у кого не было опыта работы с арабами. Рассчитывали, что центр просуществует год, а он 20 прожил. Восемь лет я командовал центром. Начал с формирования инструкторских экипажей: мне дали право выбирать из всех летных частей наиболее подготовленный состав. И он был у нас очень сильным. Помнятся летчик Инчаков, полковники Столяров и Матусович, начальник тыла Марченко, командир дивизиона связи Лютиков.

Работать с иностранцами приходилось круглосуточно. Выпускал их в первый самостоятельный полет я сам. Поднимался в воздух на другом самолете, чтобы подстраховать.

Не забудется первый мой выпускник. Даю добро на самостоятельный полет, он сел в свой самолет. Я поднялся в другой, и жду, что араб взлетит. Время идет, а он все не взлетает. Интересуюсь у наземных служб, в чем причина? «Сейчас, сейчас взлетит», — отвечают. Спустя какое-то время и, правда, взлетел, выполнил все задания.

Оказывается, после того как получил мое разрешение на взлет, он пошел в гостиницу, чтобы помолиться. Так что впоследствии мы это учли, внесли временную корректировку в распорядок полетов, связанную с мусульманской молитвой.

А еще иностранные летчики пытались поначалу в день выпуска чуть ли не у стоянки самолетов организовать ритуал жертвоприношения. Неподалеку в одном хозяйстве разводили баранов. Там они покупали барана и готовили блюда, а если день выпуска откладывался, у гостиницы пасли, привязанного к колышку.

Моя Нелли Федоровна

На Зябровском аэродроме я познакомился со своей Нелли Федоровной. Мне повезло: рядом достойный, порядочный во всем человек. Соратник по духу, а это дорогого стоит. Благодаря ее поддержке в свое время согласился на предложение пойти в

Главный штаб ВВС начальником боевой подготовки дальних и стратегических самолетов, причем, на генеральскую должность. Случилось это параллельно с организацией центра в Зябровке. Спросил тогда у Нелли Федоровны, как быть, ведь должность в штабе в Москве — главная должность, а Зябровский центр как бы в нагрузку. И моя Неллечка сказала: «Знаю, что мечта каждого военного быть генералом. Иди».

Она из Костюковичского района Могилевщины, изумительно красивых мест, где речушка Беседь и потрясающие леса вокруг. Пятерых детей подняли родители-крестьяне, перенося все тяготы и лишения. В войну трехлетним ребенком Неля пережила эвакуацию, переход до самого Ельца, жуткий голод, чудом выжила. Две ее старших сестры воевали на фронте. Рая завершила войну в Германии, в инженерных войсках, Тамара прошла войну с батальоном аэродромного обслуживания. Все сестры получили высшее образование. Нелли Федоровна окончила Казанский пединститут, ВПШ, работала в Новобелицком райкоме партии (прошла путь от инструктора до секретаря райкома), потом секретарем Гомельского горкома, затем в горисполкоме. Нам очень комфортно вместе: совпадаем во взглядах на жизнь и людей, мы родом из одной великой страны, мы плоть от плоти ее.

А под той горой…

Шестилетний ереминский мальчишка Ваня Матвеенко в далеком 1929 году часто бывал в рабочем поселке Костюковка. Здесь тогда строили стекольный завод. Для мальчишки все было в диковинку. И представить не мог, что спустя годы судьба приведет его на предприятие, и он, сын крестьянина, впишет свои строки в биографию Гомельского стекольного завода имени Ломоносова…

В год 70-летия Великой Победы мне повезло пообщаться с Иваном Павловичем. В самые сложные моменты общения, когда у него увлажнялись глаза, его дочь с редким именем Сталина, произносила: «Стоп!» Тогда минуло 8 лет, как ветеран перенес операцию на сердце. Сказалось пережитое в войну, а также преждевременная смерть сына…

Взросление

...Рано утром Ваня продавал яблоки в Костюковке, затем отправлялся на выпас скота. Невысокий, шустрый, он ловко управлялся с коровами, при этом прихватывал из птичьих гнезд яйца: в семье, где воспитывались шестеро детей, они были не лишними, к пареньку быстро приросла кличка «кулик».

Матвеенко жили на хуторе, в 1929-м одними из первых вступили в колхоз «Пятидворка». Отец Вани пас коров, овец, телят, лошадей, дети помогали. Особенно мальчишке нравилось управляться с лошадьми. Учиться пошел в школу крестьянской молодежи, которая размещалась в доме помещика Патона.

В 1930-м ереминский колхоз переименовали в «Чырвоны Хлебароб». Окончив восьмилетку, Ваня Матвеенко работал учетчиком в бригаде. В 15 лет ему доверили учитывать молоко на ферме. Подросток принимал его у доярок в 37-литровые бидоны и по три-четыре ежедневно возил на продажу в Гомель. Особенно Ване нравилось укрощать жеребцов, наездник он был хоть куда. И когда в 1940-м году встал вопрос о создании в хозяйстве отделения 59-го гомельского конезавода, парень оказался самой подходящей кандидатурой для отправки на учебу в Московскую школу тренеров-наездников, был там одним из лучших учеников, побеждал в соревнованиях по верховой езде. После окончания школы Ивана направили на практику в один из лучших конезаводов в Воронежской области, где готовили лошадей для ипподромов Москвы и Харькова. Здесь паренька застала весть о начале войны.

15 сентября 1941-го его призвали на службу, направили в 58-ю стрелковую дивизию 170-го стрелкового полка. Суждено было стать связистом. Немного поучился в полковой школе, а когда фашисты были на подступах к Москве, Иван с другими ровесниками был брошен в пекло сражений.

— Снега по пояс. Командир полка прошел по участку и сказал: «Вот ваша казарма». Так что шалаши сооружали сами, из бочек из-под бензина сделали печки.... Я был связистом полковой батареи 76-миллиметровых пушек. Винтовка-трехлинейка, 60 патронов к ней, лопатка за поясом, противогаз и вещмешок, да еще каска на голове. Вот такое вооружение. Немного поучили бросать бутылки с зажигательной смесью, так как предстоя-

ла встреча с танками противника. Хлебнули сполна… Лошадей погибших ели. Старослужащие быстро разбирали тушу, а я мал ростом, да и лошадей любил сильно, жалел. Но голод не тетка…

Бои на огненной версте

Зимой 1942 года на Варшавском шоссе шли ожесточенные бои. Участок дороги Рославль — Зайцева Гора — Юхнов был главной артерией для поддержки гитлеровцев. Все позиции прекрасно просматривались ими с Зайцевой Горы. Взятие ее означало успех в уничтожении юхновской группировки противника.

— Путь на высоту 269,8 для наших войск был очень трудным и дался огромными потерями: несколько раз гора переходила из рук в руки. Она была опоясана рядами траншей, подступы к которым были заминированы, укрыты заграждениями из проволоки. Между траншеями были построены дзоты, стояли противотанковые орудия, минометы. Затруднял продвижение наших войск и болотистый луг у подножия высоты. 8 дивизий в течение полутора лет пытались взять ее. Командующий 50-й армией Иван Болдин принял решение подорвать высоту. Больше месяца армейские минеры трудились, делали подкоп под подразделения противника. Не доходя 50 метров до вершины высоты, заложили сильнейшие тротиловые заряды.

Первую траншею обороны немцев нашим ротам удалось занять в августе 1942-го. И только в феврале 1943-го началось общее наступление, все это время мы находились в обороне. Накануне прорыва мне как командиру отделения связи поручили вместе с разведчиком пробраться как можно ближе, разведать обстановку и доложить. Заметили вражеского пулеметчика, который с удобной позиции косил наших бойцов. Мы метнули по гранате, и пулемет умолк. Доложили о ситуации и получили приказ отойти.

В момент сосредоточения на высоте большого количества фрицев раздался сильнейший взрыв. Потом множество слабее — взлетали минные поля. Грохот разносился на десятки километров. Была огромная завеса из пыли и дыма. Можете представить силу взрыва: воронка была 90 метров в диаметре и 20 метров в глубину. Так нашим войскам удалось овладеть высотой и,

наконец, выйти к «варшавке», двинуться к деревне Зайцева Гора.

Тысячи наших солдат полегло там... Стали с помощью лошадей прорывать борозды, укладывать погибших и прикапывать.

Помню, были мы в блиндаже на переднем крае. Неподалеку вражеский аэродром, постоянные бомбежки. «Рама» летает, корректирует огонь. А я вышел из блиндажа, слышу, неподалеку снаряд разорвался. Бегу назад и чувствую, что «рама» уже по мне огонь корректирует. Падаю, и рядом рвется снаряд. Блиндаж разбросало, меня в траншею зарыло. Минут через 15 прибежали ребята из расчета, раскопали.

Медаль «За отвагу» получил я за ту высоту.

В 70-е годы теперь уже прошлого века Иван Матвеенко был по снабженческим делам в России, ехал через Заячью Гору. Остановился у колодца. Разговорился с местными женщинами. Рассказал, что во время войны бился за прорыв к Варшавскому шоссе.

— Марфа, Пелагея! Скорее сюда: живой, солдатик, с нашей высоты боец родимый — в мгновение весть разнеслась в округе. Прибежали и сотрудники музея боевой славы, пообщались с героем, вскоре и фото Матвеенко появилось в экспозиции.

Серка

— В 1943-м поехал я на лошадке Серке получать снаряжение для связи: катушки, телефоны, — делится Иван Павлович. — «Юнкерс» заметил, развернулся и давай палить: трр, трр! Я в кювет спрыгивал раз шесть, а он, ирод, продолжал преследовать, да так, что, казалось, вот-вот колесами за дугу зацепится. Серка моя, умница, на коленки становилась. И сама уцелела, и меня сберегла...

Вообще животные тоже пережили в войну не меньше людей. Помню, от грохота артиллерии косули, олени, лоси выскакивали из лесов, их колотило.

Путь на Берлин

— Под Рославлем в 1943-м я был ранен. Немецкие пулеметчики вели обстрел из дома лесника. Я шел в наступление рядом с командиром роты, связь обеспечивал. Мы сообщили координаты, и начался обстрел огневой точки противника. Первый зажигательный снаряд попал в дом, второй — в сарай, все загорелось. Но вдруг связь прервалась. Я выбежал на опушку, нашел разрыв, зубами скрепил несколько проводов. Только попробовал встать — миномет шестиствольный как даст! Недалеко разорвался еще один снаряд. Раскаленный осколок разорвал шинель и вырвал часть мышцы из плеча. Сверху еще и береза упала. Добрался я на батарею и еще три дня не шел в медсанбат, надеялся, что заживет. Как-то комбат в землянку заглянул и сказал, что у нас падалью воняет. Это рука моя загнивала. Так что без медсанбата и эвакогоспиталя не обошлось.

После направили в Мстиславль на курсы младших лейтенантов. Затем были военно-политические курсы Второго Белорусского фронта. В августе 1944-го Иван получил пятидневный отпуск домой. Сердце сжималось от пепелищ, от вестей о гибели дорогих людей. Жил мечтой о возрождении села. Но вскоре предстояло продолжить фронтовой путь. В товарняке добирался до Минска, в штаб Второго Белорусского. Там связиста определили в кавалерию — комсоргом полка 5-й кавалерийской дивизии. Закрепили за вторым эскадроном, который все время был в авангарде. В одном из боев на территории Литвы, когда ранили комэска, Иван взял командование на себя. Удалось захватить в плен саперный батальон немцев. Тогда он получил первый орден Красной Звезды. Второй комсоргу Матвеенко вручили за взятие Гросс-Тихово на территории Польши.

— Продвигались мы по балке в обход города. И попали под шквальный минометный и артиллерийский обстрел. Пришлось занять оборону, — делился ветеран. — Подобрал я двенадцать ребят-автоматчиков, все бесшабашно-смелые. Сняли с себя шинели и налегке, в гимнастерках, с автоматами и гранатами в руках бросились на 150-метровую высоту. Забросали гранатами траншею противника, тот попятился. Открыли путь для наступления на город. Меня тогда представляли к ордену Александра

Невского, но получил второй орден Красной Звезды. А третий орден был за Кенигсберг.

В штурме Берлина часть, в которой служил Матвеенко, не участвовала. С союзниками по антигитлеровской коалиции встретились на Эльбе.

— Проходила встреча на берегу реки, в красивом парке небольшого городка. Наши бойцы прибыли на рыжих лошадях, музыканты — на белых. Лошадей подбирали во всех армиях Второго Белорусского фронта, — рассказал ветеран. — Наш полк получил право участия в этой встрече, так как всегда был в авангарде боевых действий корпуса. На встрече присутствовал наш генералитет во главе с Рокоссовским.

После войны

После расформирования корпуса Ивана направили в Прикарпатский военный округ, комсоргом Львовского пехотного училища. В 1947-м 24-летний белорус получил назначение в Клайпеду, помощником коменданта города. Там и встретил свою любовь, смолянку Лидию Зарунскую. Вскоре у них родился сынишка. Спустя два года глава семьи стал комендантом Калининградского гарнизонного Дома офицеров. В этом городе появились на свет и две дочери Матвеенко. Дети росли в любви и заботе родителей, переезжали по местам службы отца. В городке неподалеку от Вильнюса Матвеенко возглавлял отделение объединенного райвоенкомата, отвечал за призыв на службу.

Еремино мое родное...

В 1961-м в звании капитана Иван Павлович уволился из армии, приехал с семьей в родное Еремино. Устроился в отдел снабжения на стеклозавод. Дисциплинированный, исполнительный, он руководствовался девизом: «С людьми обращайтесь по-человечески, и все получится!». Во время отпуска помогал родному колхозу, который в далеком детстве дал путевку в жизнь, работал на уборке картофеля. Аккуратные бурты ветерана труда Матвеенко и сейчас помнят в хозяйстве. А еще его реплику: «Где порядок и дисциплина, там успех». Возглавив в Еремине

ветеранскую организацию, Павлович и ее вывел в передовые. Тогдашний председатель Гомельской районной ветеранской организации Михаил Рычков не раз отмечал: «Таких активистов ветеранского движения поискать!»

Судьба Ивана Матвеенко вполне могла бы стать основой сценария фильма. Об этом подумалось мне, когда бывший фронтовик делился воспоминаниями о своей встрече с народным артистом СССР Владимиром Зельдиным. Тот выступал в Калининграде в окружном Доме офицеров, когда Павлович был там комендантом.

Брал Бранденбургские ворота

В войну Анатолий Пекарский попробовал себя в качестве артиллериста, разведчика, пехотинца, трижды был ранен, но дошел до Берлина и расписался на рейхстаге.

Весной 2015 года я встречалась с ветераном в его цветущем саду на улице Полевой в Жлобине. И сейчас живет трепетное воспоминание об этом человеке, мощном не только внешне, но и силой духа. Не забыть полянки фиалок в его саду, переносившие меня то и дело туда, где есть такие же ароматные огонечки фиолета — на родную землю, в старый парк на берегу озера Мястро на Минщине...

Ветеран тогда не скрывал своей радости: дождался 70-й победной весны! И своей любимой песней «В землянке» он открывал фестиваль творчества ветеранов в Жлобине. Его встречали овацией!

...Он родился в Жлобине в 1924-м в семье мастера локомотивного депо. В 1932-м отца перевели в Осиповичи. А спустя пять лет Анатолия Мартыновича репрессировали. Семья пережила немало. Их выселили из квартиры буквально под лестницу в подъезде, и Жене приходилось пилить и колоть дрова для пристанционной кухни, чтоб заработать тарелку супа. Мать стирала халаты кухонных работниц. Так и перебивались.

— Отец из депо не выходил, паровозы ремонтировал. Сказать, что он враг советской власти? Не было этого в нем. Возможно, помешали литовские корни, он родом из городка Радвилишкис.

Дед мой тоже оттуда. В царские времена он был машинистом первого класса, авторитетом непререкаемым пользовался. Его к паровозу подвозили на тройке лошадей. Отца моего в хрущевскую оттепель реабилитировали. Посмертно.

Когда началась война, Женя стал курсантом Омского артиллерийского училища, а в 18 лет уже командовал взводом, хотя навыков практических еще не имел. Пошли воевать с противотанковыми ружьями.

Боевое крещение

—...Под Вязьмой болотистая местность. Сидишь в воде, чувство голода одолевает, Хорошо, если ночью У-2 прилетит, мешок сухарей сбросит... Даже лошадей убивали и варили, когда нечего было есть...

Артиллеристом я стал на территории Могилевщины. Нас придали в помощь польской дивизии Костюшко, которая наступала под Ленино.

Я в батарее «сорокапяток». Немец там немножко нас труханул. Танк шел, снаряд пустил прямо в наше орудие. Колесо пушки отлетело, я получил черепное ранение. Попал в госпиталь, полтора месяца в Калуге на койке провел. Потом был запасной полк под Могилевом. Один капитан прибыл за пополнением разведчиков. Обратил внимание на мой после госпиталя затрапезный вид, поинтересовался: «Долго сидел?» Видимо, за штрафника принял. Я возмущенно: «Да не сидел я!» Так попал в разведку.

Медаль «За отвагу»

— В 1943-м в течение девяти месяцев стояли в обороне между Оршей и Могилевом. Наша часть располагалась напротив Горок. Помню, как добывал первого языка. Саперы нам проход сделали. Подползли мы к вражьей траншее. На бруствер легли. А фрицы, видно, обнаружили, гранату бросили. Кто-то из ребят застонал, и немец давай бить со всех сторон. Я с бруствера прыгнул в их траншею. Почувствовал, что на что-то мягкое приземлился. Немец подо мной: «Пан, нихт шиссен, нихт шиссен!».

Поднял его. Маленький ростом, впоследствии определили, что чех. Я проволоку с нейтральной полосы ему в руки, а как выбраться из траншеи, не знаю. Чех подвел к ступенькам. Я его толкаю перед собой вперед, так и в полк пришли. А назавтра медаль «За отвагу» дали».

Евгений Пекарский прошел с боями Литву, Латвию, Польшу. В сражениях под Варшавой получил орден Красной Звезды. Тогда разведчику удалось взять очень важного языка — немецкого офицера.

В Германии

— В Берлине взвод наш числился как разведчики, а работу в основном выполняли армейские, дивизионные. Там нам уже практически делать нечего, действовали как пехота.

Наш полк брал Бранденбургские ворота. Когда фрицы капитулировали, интересно было посмотреть, где рейхстаг, где тот гад Гитлер находится. Подошли мы, а там уже ребята расписываются на колоннах, кто чем. Поднял я кусочек красного кирпича и свою фамилию написал. Представляете, какой у всех нас тогда был душевный подъем. Стрельбу открыли изо всех видов оружия. Все так гремело!

После Победы

Евгений задержался в поверженной Германии еще на полтора года — служил в так называемых оккупационных войсках. А когда возвратился в Осиповичи, решил податься в железнодорожники. Устроился в депо кочегаром. Потом стал помощником машиниста. На курсах в украинском Щорсе будущую жену Нину встретил. Когда устраивался машинистом, в родном депо сказали: «Реверс тебе не доверим, ты — сын репрессированного». Попробовал возразить: «Я на фронте в партию вступил, до Берлина с боями дошел».

Обидно и больно было, но он не ожесточился, не озлобился. Когда началось освоение целинных земель, отправился с семьей в Кустанайскую область, работал машинистом. Был свидетелем небывалого урожая целинного хлеба. После того, как заболел сынишка, семья вернулась в Жлобин.

22 года бывший фронтовик Пекарский водил паровозы и тепловозы. В 1966-м его избрали депутатом Верховного Совета БССР. Хлопотал о строительстве нового локомотивного депо в Жлобине, добивался выделения денег и материалов. Высок был авторитет участника войны. Выйдя на пенсию в 1979-м, еще два года отработал прогревальщиком дизель-поездов в депо.

Память

Своего единственного сына Анатольевич назвал в честь старшего брата Владимиром. Это он, прекрасно игравший до войны в духовом оркестре, вдохновил юного Женю на участие в художественной самодеятельности… В 1939-м Володя служил в Волковыске в кавалерийской части, и, вероятно, попал в плен в начале войны, погиб.

— Сын через интернет отыскал могилу своего дяди в Германии. Показывал мне. Кладбище там ухоженное, лежат там люди разных национальностей. Хотелось бы могиле брата поклониться, но не дотопать мне уже…

Вовка мой окончил Киевское высшее инженерное училище связи. 27 лет отслужил в Подмосковье, демобилизовался в звании подполковника. Живет тут неподалеку. Два сына его — внуки мои Дима и Юра трудятся механиками в районной связи. Хорошие хлопцы! Да у меня уже правнук есть и правнучка!

Любовь и судьба

Евгений Анатольевич, большой оптимист, делился: «Живу в женском батальоне». Тогда он в течение 12 лет досматривал парализованную жену. Помогали ему в этом две ее сестры. Когда самого Анатольевича поджимало давление, в роли скорой помощи была семья сына.

— В юности в Осиповичах у меня была любовь — Женя Ольховец. Хорошая была девушка! Я татуировку на руке сделал: сердце и с двух сторон наши имена. Женин отец был командиром эскадрона в чапаевской дивизии, в Великую Отечественную войну командовал партизанским отрядом в Осиповичском районе, Женя у него сражалась. После войны окончила мединсти-

тут. Ждала, конечно, меня. А тут моя сестра сказала, что встречается Женя с офицером. Больно резануло. Я тогда в Щорсе квартировал у Шилиных, с Ниной познакомился. И рассудил: ну как врач будет стирать одежду машиниста? С Ниной мы хорошо прожили, 66 лет вместе.

Ветеран долго делился своими размышлениями о происходящем в мире, а напоследок сказал:

— У нас по-настоящему народный Президент, Александр Григорьевич Лукашенко. Он за нас, ветеранов, твердо стоит, за добытую нами Победу. Хочу всем молодым пожелать, чтобы помнили, какой ценой мирная жизнь досталась. Чтобы парни непременно в армии служили, были готовы Родину защищать.

Как горячо мы любили тогда

Очень признательна председателю Улуковского сельсовета Гомельского района Жанне Бизня, благодаря которой и состоялось мое знакомство в 2018 году с очередным героем Великой Отечественной войны. Удивилась, услышав от нее, что едет приглашать бывшего партизана и фронтовика Подлипского на открытие велопробега в преддверии скорбного дня 22 июня. И ветеран сам двинет во главе колонны. Вот это поколение!

Его, Александра Подлипского, родная деревушка Грязивец в Климовичском районе Могилевщины, располагалась у знаменитой «варшавки». Была она не только свидетельницей проезда царицы Екатерины, но и адских боев лета 1941-го с оголтело рвущимися к Москве фрицами.

— Война перекроила всю жизнь. Я ведь только что окончил школу и подал документы в Мстиславское педучилище, — делился фронтовик летом 2018 года в своем деревенском доме в деревне Головинцы Гомельского района. —Можете представить нас, наивно-романтичных парней и девчонок, которых включили в состав истребительных отрядов. Мы патрулировали большак, чтобы не просочились диверсанты. Старались выполнять задание честно. Однако это была, в тогдашнем нашем восприятии, еще игра в войну. Когда начались жаркие бои, помогали носить раненых в госпиталь, расположившийся в лесу.

Мы просились на фронт. Однако меня оставили на месте, сказав, что все потом объяснят в сельсовете...

Поздней осенью 1941-го я был на конспиративной встрече с секретарем Климовичского горкома партии Игнатом Солдатенко. Так стал связным с партизанским отрядом, устроившись учителем в лесной деревне Жарки. Всю зиму учил детей и передавал необходимую информацию партизанам. Потом, когда масштабы действий расширились, вернулся домой. Участвовал в диверсиях на железной дороге. Под Краснопольем мы впервые встретились с разведчиками Красной армии и влились в ее ряды. Я стал пулеметчиком максима.

Бои на Проне и Друти

На Могилевщине продолжилось боевое крещение. Враг врылся в землю со своими «фердинандами», орудиями. В лоб взять Пропойск (ныне Славгород) не получилось. И тогда руководство распорядилось сменить позицию. Мы разместились на Проне, притоке Сожа. За ночь в абсолютной тишине построили переправу. Едва забрезжил рассвет, в тумане началась артподготовка. После нее двинулись на противоположный берег. Сбили несколько линий эшелонированной обороны. Задача была продержаться на плацдарме до вечера. Целый день я бил по фрицам из максима, а они в ответ минами. Помню, как попросил своих подручных заряжать очередную ленту, а ребята из расчета не отзываются. Глянул — оба убиты. Немцы контратаковали раз десять. Как я там уцелел, кто меня в живых оставил, не знаю. Сумка и котелок изрешечены, а меня даже не царапнуло.

При форсировании Друти ранило командира роты. Меня назначили комсоргом. Поднял я ребят на форсирование, и сам схлопотал ранение в бедро правой ноги. В марте 1944-го попал в госпиталь в каком-то селе, затем в Костюковке. Позднее на машине в Гомель доставили, в госпиталь. На мои просьбы отпустить на фронт, услышал: «Сынок, еще успеешь, навоюешься». Тогда я рискнул отпроситься домой в отпуск. Приехал в свой Грязивец. На пепелище. Отец и мать баню приспособили под жилье, сестренка с ними семилетняя.

После лечения разрешалось возвратиться в свою часть. Я застал ее, если не ошибаюсь, уже под Калинковичами. Готовилась операция «Багратион».

Минский «котел»

Мы шли по минному полю и увидели гумно с грудой обугленных тел. Теперь знаю, что это был Большой Тростенец... На ночлег остановились в населенном пункте, где был торфозавод. Разместились в помещении бывшего полицейского гарнизона, окруженном деревянно-земляным валом с амбразурами со всех сторон. Спали как убитые. А на рассвете такая пальба! Командир лейтенант Бескоровный поднял нас по тревоге. Прильнули к амбразурам. Увидели огромное количество фрицев. Открыли огонь, и они свернули правее, пытались вырваться из «котла».

На шоссе Минск-Могилев их выстроили, впереди поставили более десятка генералов, затем офицеры и рядовые. Ярость меня захлестнула, чуть было не начал стрелять по ним без разбору. Ребята сдержали. Мне выделили лошадь, чтобы конвоировать пленников. Однако раненая нога так разболелась, что отправили другого парня в качестве конвоира, а я застрял в санчасти в Уручье.

Затем был в Алабино, в запасном полку, помощником командира взвода. Обучал ребят. Кормежка слабоватая, капустные щи и хлеб. Немудрено: все тогда работало для фронта, для победы над врагом. Я мечтал снова попасть в свой полк, добивать фрица в его логове.

Штурм Кенигсберга и Победа

После запасного определили в новый стрелковый полк — 52-й гвардейский ордена Кутузова. Фронт уже был на территории Литвы, под Шяуляем. Перейдя границу, мы оказались в Восточной Пруссии.

Перед штурмом Кенигсберга меня вызвали в политотдел полка. Замполит Николай Ясюк оповестил: «Назначаем вас комсоргом батальона». После взятия Кенигсберга из нашего полка уцелело только несколько сотен ребят... Отвели в Инстербург, теперь Черняховск. Проснулись ночью от стрельбы изо всех видов оружия: «Победа!» Как мы ликовали, как гордились своей страной! Это самое незабываемое событие, которое живет в душе все годы.

...В режиме секретности сообщили: лучшие едут на парад в Москву. Приодели, экипировали. В столице состав прикрепили к другому паровозу. На вокзале в Казани всем стало ясно: едем на восток. Со станции Борзя добрались к безводным степям Монголии. Труднее всего было преодолеть хребет Большой Хинган. В течение трех месяцев готовились к войне с милитаристской Японией, ее объявили 8 августа 1945-го. Наш Забайкальский фронт наступал на укрепрайон Аршано. Японцы — вояки хорошие. Мы не хуже, заметно лучше их были вооружены, в частности реактивными установками «катюша». В память о тех событиях храню благодарность Верховного главнокомандующего и медаль «За Победу над Японией».

Учил детей в Порт-Артуре

Комполка попросил учить детей. (Тогда офицерам разрешили привезти семьи в Порт-Артур). Так я стал учителем троих ребят. Самым большим открытием, буквально диковинкой для меня, был китайский электрозвонок.

В 1947 году умер отец, я демобилизовался и приехал домой. Ни кола, ни двора. Райком направил по комсомольской путевке учительствовать в Барановичскую область. Был директором начальной школы, потом семилетки. Спустя четыре года приехал в Гомель: требовалось помочь младшему брату Феде, после ранения в боях полностью ослепшему. Мы ведь в партизанской эпопее и в боях на Проне были рядом... Кабинетов немало мне довелось обойти. Федор позднее о себе заявил, многого достиг как преподаватель техникума. А наш с ним старший брат Володя умер в войну от ран и упокоен на смоленской земле...

Все здесь дорого

— Я не люблю выпячиваться, — как кредо своей жизни произнес фронтовик, награжденный орденом Отечественной войны второй степени, тремя медалями «За отвагу», медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и многими юбилейными.

Заметила на столе в его прихожей большую разлинованную тетрадку, похожую на школьный журнал. Много страниц исписано каллиграфическим почерком. Оказалось, что в Год малой родины ветеран педагогического труда пишет воспоминания о пережитом, об ушедшей в небытие могилевской деревушке Грязивец:

«Здесь я родился, здесь прошли мои детство и юность. Тут по скрипу я узнавал, чьи ворота открылись, отгадывая, чья собака залаяла, чей петух поет, о чем говорят бабы у колодца… Все мне здесь дорого: и тихий прохладный ручеек, и тишина задумчивого леса, и тропинки, по которым я бегал босиком, и поля, и луга. Я чувствовал запах земли, озоновый аромат воздуха после грозы, а ночные трели соловьев в лозовых кустах, окутавших речушку, и сейчас слышатся мне…»

Тогда я условилась с ветераном, что он будет ежедневно писать свою книгу. И не только для дочерей Валентины и Ларисы, но и внуков и правнуков. Для всех белорусов, в чьих сердцах вмещается малая, но настолько большая Родина. Я счастлива, что фрагменты мемуаров Александра Трофимовича Подлипского публиковались в нескольких номерах «Гомельскай праўды».

Майскі сад

Памяці майго бацькі Віктара Канстанцінавіча Купрэвіча

…Неба было бяздонным акіянам блакіту. І толькі дзе-нідзе зрэдку на ім, нібы пэндзлем нетаропкага мастака, былі намаляваны пульхныя баваўняныя аблачыны. Віктар хацеў перавесці позірк на штосьці іншае, каб зарыентавацца, дзе ён, і зразумець, чаму вочы бачаць толькі адну суцэльную прастору неба, паспрабаваў паварушыцца, але правую нагу працяў рэзкі боль. Ён сцяміў, што паранены, застагнаў і ў той жа час недалёка ад сябе

пачуў енкі і стогны... Але, пад тым танкавым заводам столькі хлопцаў палегла! Карпусы бы з брані ўзведзены, непрыступныя. Быццам крэпасць якую бралі. Фрыцы і мадзьяры ж абараняліся да апошняга...

Віктар зноў паспрабаваў паварушыцца, але доўга ляжаў на зямлі і не заўважыў, як, аслабелы, заснуў. Снілася маці — блакітнавокая, усмешлівая, з доўгімі да пояса русымі косамі. Прыбраная ў ільняную сукенку, у лакерках, яна сядзела на возе. Побач ляжаў яго, Віцеў, гармонік. А ён, падлетак, бег насустрач, каб хутчэй атрымаць доўгачаканы падарунак. Пасля смерці бацькі ён быў за гаспадара ў хаце: стараўся ва ўсім дапамагчы маці, і дванаццацігадовага браціка Міколку глядзеў.

За гармонік матуля аддала ўвесь грашовы скарб, што выручылі за прададзенага бычка. Віця баяўся, што яна ў апошнюю хвіліну спахопіцца і верне гармонік дзядзьку Антосю: грошы ж вельмі патрэбны сям і. Таму і спяшаўся шаснаццацігадовы хлопец насустрач, каб хаця маці не назбавіла яго радасці расцягнуць мяхі...

Аэрадром пад венгерскім горадам Сэкешфехерварам быў літаральна засцелены параненымі, якіх вывезлі з поля бою. Хлопцы ляжалі на насілках, некаторыя проста на зямлі, чакаючы сваёй чаргі, каб трапіць у шпіталь, як казалі, "падлатацца", вярнуцца ў жыццё. Адзін самалёт ужо ўзяў курс на румынскую Канстанцу. Чакалі другі. Прыляціць ці не?

Зямля вызвалялася ад снегу, і, здавалася, прагавіта ўдыхала сонечныя праменні, каб хутчэй прагрэцца і выпусціць на свет першую зеляніну. І такім дысанансам вясне, абуджэнню жыцця былі гэтыя юныя скалечаныя хлопцы, якія курчыліся ад болю і ў трызненні клікалі маці, і крылі, на чым свет стаіць, хто фрыцаў, хто ротнага ці камбата. Тыя, хто быў мацнейшы, з надзеяй паглядалі ў неба, чакаючы самалёта, які забярэ іх, павязе далей ад вайны, ад смуроду вогнішчаў, гэтай скурожанай тэхнікі... У цішыню.

Санбрат Юрка Берняковіч разам з медсястрычкай Вольгай крочылі між радоў параненых. Яны адбіралі самых цяжкіх, тых, каго трэба было неадкладна адпраўляць у шпіталь. Але восьвось павінен прыляцець чарговы самалёт, каб вывезці, вырваць з лап смерці яшчэ колькі знямоглых ледзь жывых юнакоў. Рускіх, беларусаў, украінцаў, казахаў, татар...

Юрка глядзеў на іх твары, перакошаныя ад болю, і ў думках

маліўся за кожнага хлопца. Многія былі яго равеснікамі. Ён не верыў у замагільнае жыццё, і часам любіў жартаваць: «Калі б там было так хораша, то мой дзед абавязкова прарваўся б назад, каб мне паведаміць пра гэта».

Вайна выхапіла і яго, хлопца з беларускай вёскі Азаркі, са звыклых сялянскіх заняткаў. Рослы, пад два метры, мажны, ён выглядаў волатам, стоячы каля тых, што зараз ляжалі тут. І гэтую медсястру Волечку ён, здавалася, каб дазволілі, мог бы ўзяць на рукі як пушынку, падняць высока-высока і несці далёка-далёка перад сабой ажно ў сваю Беларусь... Але ідзе вайна, і тут усё, як на вайне. Напярэдадні яе (хто ж ведаў, што такое горачка абрынецца?) сыгралі вяселле. А як толькі грымнула Вялікая Айчынная, удваіх пайшлі ў ваенкамат. Яны, лічы, учарашнія выпускнікі медвучылішча, папрасіліся, каб іх накіравалі ў адзін шпіталь...

Адабраўшы некалькі цяжкапараненых, якіх трэба было эвакуіраваць неадкладна, яны спыніліся каля насілак, на якіх трызніў юнак з перабітай правай нагой. Ён клікаў маці.

Юрка падыйшоў бліжэй да параненага, папрасіў Вольгу дастаць перавязачны пакет, каб перабінтаваць. Схіліўся над хлопцам, зазірнуў у твар. Дзіўна, але Юрку падалося, што недзе ён ужо яго бачыў. Толькі дзе? «Хаця наўрад ці жыццё сутыкала нас, — супакойваў сябе. — Ды колькі такіх тыпова славянскіх абліччаў прайшло перад маімі вачыма, ці злічыць!»

Але Юрку ўсё не пакідала адчуванне, што ўсё-такі недзе ён бачыўся з гэтым юнаком. «Трызніць жа па-беларуску, — разважаў Юрка, — дык жа нашых тут у Венгрыі столькі! Хаця хапае нашых на ўсіх франтах...»

Калі санбрат Берняковіч зняў з нагі параненага юнака набрынялы крывёю бінт, адкрылася рана. Зразумеў, што куля ці асколак снарада зачапіў костку, выбіў кавалак "мякішу" нагі. Рана пачынала гнаіцца, калі яе зараз як след не апрацаваць, можа пачацца гангрэна...

— Мама, мама, дай гармонік, — сасмяглымі вуснамі ціха прасіў паранены. Відаць, трызніў, і яму ўяўлялася маці.

Юрку падаўся знаёмым яго голас. І ўсё ж, дзе ён мог сустракацца з гэтым хлопцам? «Можа, у яго не першае раненне, і я раней перавязваў яго? — разважаў санбрат. — Ці то ўжо сам пачынаю трызніць?»

І раптам у яго памяці ўспыхнуў майскі надвячорак, зараснік бэзу, і яны з Волькай акунаюць твары ў гэтыя пяшчотныя фіялетавыя крыжыкі пялёсткаў, водар якіх прыемна кружыць галавы...

Моладзь з усіх вакольных вёсак сабралася тады ў Азаркі, дзе грымела іх вяселле. На прасторнай пляцоўцы былі выстаўлены зэдлікі... Так, гэта Віктар, музыка, які імпэтна перабіраў гузікі гармоніка, сыпаў польку. Той музыка, які імгненна падбіраў на слых любую мелодыю, якую заказвалі госці. Літаральна ўсе скакалі, падпявалі. Вяселле на тое і вяселле!.. Даскакаліся, давесяліліся, браце. Казала адна азарацкая цётка, што дарэмна ў маі вяселле ладзім, не слухалі яе. Прынамсі, вайна тады ўжо кацілася па зямлі...

— Вольга, ты не пазнала яго? — таропка спытаўся Юрка ў жонкі, нібы баючыся спазніцца. І прачытаў дакументы параненага: Віктар Канстанцінавіч... вёска Лук'янавічы, год нараджэння 1914...

— Ты думаеш, гэта ён? — спытала Вольга, пазіраючы на пехацінца, скроні якога ўжо пасерабрыла ранняя сівізна.

— Цяпер ужо ніякіх сумненняў няма. Ён гэта, Віцька! Ай ды зямеля! Сустрэліся, лічы, на краі свету, ды яшчэ пры такіх абставінах, — і, звяртаючыся да параненага, сказаў: «Трымайся, браток!»

Юрка тыцнуў яму пад нос нашатыр, хлопец адкрыў вочы. Блакітныя. Як воды Нарачы.

— Віктар! Прачынайся! Пазнаў? Слухай мяне. Я — Юрка, ты іграў нам вяселле ў Азарках у маі 1941-га. Памятаеш?

Паранены ледзь заўважна кіўнуў, Вольга правяла па яго асмяглых вуснах вільготным кавалачкам бінта.

— Віця, зараз будзе самалёт, чуеш? Ты павінен гэтым рэйсам трапіць у шпіталь, інакш не ўратуем нагу. А я хачу, каб ты яшчэ на вяселлі свайго сына ці дачкі як след тупнуў і сыграў, гарманіст лук' янаўскі!

... Самалёт набіраў вышыню. Пра колькі хвілін пасля ўзлёту Віктар адчуў, як абвялі рукі, яму зноў стала кепска, і, трацячы прытомнасць, пачуў голас доктара: «Товарищи военраненые! Посмотрите в иллюминаторы. Внизу —Дунай, который вы форсировали». Апошняе, што ўбачыў Віктар праз тое шкло — танюсенькую нітку ракі.

...Віка выяўна памятае свайго бацьку з таго часу, калі ён закладваў падмурак прыбудовы да нядаўна пабудаванай хаты ў райцэнтры. На іх вуліцы Міру (сімвалічная назва!) жылі былыя франтавікі і партызаны, якія вярнуліся пераможцамі са страшэннай вайны. Яны зычылі міру ўсім сваім наступнікам!

Бацька сцяліў толь. А Віка пераадольвала падмурак, пералазіла праз першыя бярвенні новай прыбудовы. У невялікай сумачцы з паркалю, перакінутай праз плячо дзяўчынкі, пазвоньвалі баявыя бацькавы ордэны і медалі. Дзяўчынка садзілася на зруб, даставала бліскучыя бацькавы ўзнагароды, любавалася цацкамі, разглядвала літары надпісаў. Дзе ж было ёй ведаць, якой крывёю даліся гэтыя адзнакі, на якіх аддаленых ад Беларусі дарогах пазначаны каардынаты мужнасці яе бацькі Віктара Канстанцінавіча Купрэвіча. І самі яны, нашы салдаты-вызваліцелі, у тыя першыя пасляваенныя гады спакойна ставіліся да сваіх узнагарод.

... Чарговы май плыў над зямлёю. Віка памятае, як бацька ўзняў яе на руках і паднёс да бялюткай квецені яблыні. Дзяўчынка адчула водар вясны, радасць жыцця, нырнула тварам у кветкавую мазаіку.

— Глядзі, дачушка, які сад у нас вырас! — сказаў тады бацька. І яго словы, вымаўленыя з такім аптымізмам, з надзеяй на шчасце, згадаліся ёй, калі здавала экзамены на філфак універсітэта, а дакладней, калі пісала сачыненне на вольную тэму: трэба было паказаць, як яна разумее інтэрнацыяналізм савецкага народа. У сачыненні Віка прыгадала сваю вуліцу Міру ў раённым гарадку, у якой у сапраўднай згодзе жылі людзі розных нацыянальнасцей. Расіянін Транькоў, беларусы Валасевіч, Гапановіч, татарын Асановіч, паляк Козел... Скончыўшы складваць чарговы зруб, яны збіраліся ў застоллі то ў аднаго, то ў другога і спявалі «На безымянной высоте» Як хораша квітнеў тады майскі сад!

Бацька, які меў сем класаў адукацыі ў польскай школе Заходняй Беларусі, даволі добра пісаў. І чытаць Віку навучыў ён. Спачатку па буйных загалоўках газет «Правды» і «Известия», якія прачытваў ад першага да апошняга радка, потым па буквары. Яго, чалавека, які перажыў вайну, цікавіла ўсё, што дзеецца ў свеце.

Ён быў мудрым педагогам, Віктар Канстанцінавіч. Дабрэнная душа. Любіў прыроду і часта міжволі рыфмаваў словы і сказы,

апісваючы, якое ўрадзіла сянцо на лузе каля Лотвы ці як «шмат адпачываючых у Купе, бы на Кубе»...

У сакавіку, як толькі сыходзіў снег, бацька паведамляў: «Ну, дачушка, збірай сваіх сябровак, паедзем па сон-траву!». Ён заводзіў свой шызы «масквічок», на той час гэтая машына была сапраўднай раскошаю. Віка хуценька склікала аднакласніц, яны, сеўшы на задняе сядзенне (і як толькі там размяшчалася чалавек сем-восем?!), ехалі па сон-траву. У бары гэтых пухнатых фіялетавых вогнікаў было шмат! Ніхто тады не ведаў, што недзе ёсць Чырвоная кніга — і дзяўчаткі рвалі рэдкасную расліну, рвалі столькі, колькі ім хацелася. Дома ж не было ніякіх ваз для кветак, Віка ставіла сон-траву ў «маліноўскія стаканы». Кожнае акно хаты ўпрыгожвала «сном»...

У 1991-м, калі распалася краіна, Вікторыя Віктараўна ішла па сталічным праспекце і ўбачыла... дзве кветкі сон-травы! Так-так, ёй не падалося, менавіта яны, прывабныя сваё пяшчотай, быццам цягнуліся з асфальту: мастак прадаваў невялічкую, але такую жывую карціну, усяго за 10 тысяч. «Я бяру яе ў вас!» — паспешліва сказала Віка, нібы баючыся, што хтось перахопіць шэдэўр, які яна выбрала.

... Да адпраўлення цягніка яшчэ быў час, і Віка нетаропка ішла ад мастацкай выставы, што размяшчалася проста на вуліцы, да галоўнага універсітэцкага корпуса. Ішла ў роздуме, перажываннях: што будзе далей? Разваліласа магутнейшая дзяржава, а з ёй спакой, вызначанасць лёсу. Практычна стаяў і Вікін завод, звыш дзесяці тысяч чалавек працоўнага калектыву былі ўцягнуты ў дыскусіі, мітынгі, якія нікому не прыносілі рэальнай карысці, а толькі яшчэ больш ускладнялі сітуацыю...

«А булачная і цяпер тут, дзіўна», — Віка прыпынілася, удыхаючы водар хлеба і батонаў. І ўспаміны аднеслі яе ў далёкі марозны вечар.

...Трашчаць вуглы хаты, а ў прыхожай цёпла і ўтульна. Патрэскваюць дровы ў грубцы. Віка з маці ўглядаюцца ў полымя, чакаюць бацьку з дарогі.

— Такая халадэча. Не дай бог матор заглухне на дарозе сярод лесу, —усхвалявана кажа матуля, — як жа наш татка будзе там адзін...

— Не бойся, мама, — суцяшае яе Віка. — Татка з такім вопы-

там, якімі толькі дарогамі ён не прайшоў! Ваеннымі, у тым ліку, і ўсе яму скарыліся, хутка дадому прыедзе, вось пабачыш! — сцвярджае дачка.

Чутно, як каля хаты спыняецца грузавік. Пра пару хвілін у калідорчыку ўжо чуваць гучнае прытопванне, Віка імчыць адчыняць дзверы. Бацька ўваходзіць з бярэмам батонаў і хлеба. Сталічныя боханы прывозіў ён не толькі сабе, а і суседзям. Водар таго хлеба цяпер казытнуў так, што Віка праслязілася...

А яшчэ яе бацька быў сапраўдным майстрам... капчонкі. Вясною ён выносіў з пуні спецыяльны жалезны буданчык, пафарбаваны звонку ў яркі блакітны колер. «Капцільня» Віктара Канстанцінавіча карысталася ў суседзяў вялікім попытам! І яны, і родзічы давяралі бацьку «зрабіць смачныя сала, мяса і каўбасы». Калі пачынала працаваць яго «капцільня», як тут казалі, то па ўсёй вуліцы цягнуўся прывабны дымок і водар вэнджання. Усе ведалі, што Віктар Канстанцінавіч прывозіць для яе з лесу ядловец. Прычым, каб усё было смачным, патрабавалася ўвесь час кантраляваць і тэмпературу, і дымаход, а то, глядзі, «паплыве» і закапае капчонка.

Бацька браў на сябе адказнасць за каўбасы і кумпякі, якія людзі прасілі яго «падкапціць» і ў справе вэнджання роўні яму ў райцэнтры не было (Віка потым ужо здагадалася: сакрэт вэнджання бацька прывёз з вайны, з Венгрыі...)

І ўсё ж найбольш ён любіў корпацца з тэхнікай, уласным «масквічом». Каб купіць яго, памятаецца, ездзіў да далёкіх родзічаў ажно ў Днепрапятроўск. Бацька вярнуўся адтуль не паражняком. Прывёз вінаградны куст, аблеплены гронкамі буйных сакавітых ягад. Сваякі дазволілі яму выкапаць гэты куст на радасць дзецям, якія тут, на поўначы Беларусі, такога цуда не бачылі. Бацька падвесіў куст высока пад столлю, і Віка з братам бегалі вакол яго, весяліліся, здавалася, што ўся хата свяцілася дабрынёю, у ёй жыла радасць...

Колькі іх было, такіх адметных, светлых і радасных дзён, падараваных Віцы і брату, іх сябрам! Невыказная цеплыня хваляй удзячнасці бацьку запаўняла ў такія імгненні яе дзіцячае сэрца. І цяпер, калі Віка, Вікторыя Віктараўна, сама падступаецца да пенсійнага ўзросту, яна згадвае дабрыню свайго бацькі як адметную рысу ўсяго яго пакалення, што прайшло Вялікую Айчынную. У

іх жа, былых воінаў, па-сутнасці, не было ні дзяцінства, ні юнацтва сапраўднага. І пасля яны хацелі спаўна даць дзецям і ўнукам тое, што самі не мелі.

Здаецца, у Івана Пятровіча Шамякіна Вікторыя чытала, што дабрыня бацькоў-франтавікоў да сваіх дзяцей не лепшым чынам адбілася на станаўленні пасляваенных нашчадкаў. Многія з іх, спадзеючыся, што бацькі будуць падтрымліваць іх да самай пенсіі, разбэсціліся, не ўмеюць і не хочуць працаваць, а то і спіліся.

... Голас маці ў тэлефоннай трубцы быў устрывожаны.

— Віка, табе трэба з' ездзіць у Калееўку, — сказала маці, — учора бацьку паклалі туды ў бальніцу на абследаванне. Нічога страшнага, не хвалюйся. Узрост ужо наш такі...

У ноч перад ад' ездам Віка бачыла сон. Быццам яны з бацькам удваіх на неабжытай планеце. Глеба тут вязкая, нібы гліна. Каб ісці наперад трэба літаральна выдзіраць падэшвы з гэтай "лавы", да якой яны быццам прыклейваюцца. Але ж бацька ідзе наперадзе, а Віка стараецца не адставаць, патрапляе ў яго сляды, і ёй лягчэй, чым яму. Ды вось Віктар Канстанцінавіч запавольвае хаду, бачна, што ён вельмі стаміўся, кажа: "Цяпер ты, дачушка, вядзі мяне..." Божухна, як жа цяжка ісці самой! Але ж там, на далягляцзе, яна бачыць заліты вясновым сонцам лапік лясной паляны з кветкамі сон-травы. Віка разумее, што ёй трэба дайсці да іх, каб дакрануцца шчакой, адчуць пяшчотны дотык свайго далёкага дзяцінства. І Віка крочыць, выбіваючыся з апошніх сіл...

Бацьку хавалі ў сакавіцкі дзень. Вясна набіралася моцы, наўкол звінелі раўчукі. І гэты дысананс жыцця і смерці вырэдзіў душу так, што хацелася нема выць ад адчування планетарнасці сваёй страты. Віка ўмомант зразумела, што той сон — ява.

І цяпер, праз шмат гадоў пасля страты бацькі, на няпростых сваіх жыццёвых пуцявінах Віка з такой цеплынёй у сэрцы згадвае той квітнеючы майскі сад, які некалі пасадзіў яе бацька, хоць многія яблыні там ужо спілаваныя. Учора яна купіла білет на цягнік, каб даехаць, заспець на радзіме 65-ю бацькаву Пераможную Вясну! Дзе, на якіх паваротах лёсу, людзі, мы згубілі іх, нашых бацькоў, уменне радавацца жыццю?

Содержание

Рядом с Заслоновым 4
Я родом не из детства — из войны 8
Я з вёскі Пагоннае 12
Во славу общей Победы 15
Этот город знаком мне до слез… 18
Памятай імя сваё 23
Комбат, батяня 25
А жизнь – она вся – в пути 27
Зенитчица 33
Любовь и связь Веры Сочалиной 38
Сердечный ритм Твардовского 42
Валерий Шукшин: о времени и о себе 47
А под той горой… 52
Брал Бранденбургские ворота 58
Как горячо мы любили тогда 62
Майскі сад 66